

The background is a light cream color with a complex pattern of faint, overlapping floral and geometric shapes. A prominent dark red, ornate frame with a double-oval design encloses the title. The frame is decorated with small, dark red floral motifs at its corners. The title 'Моя лера' is written in a dark red, elegant script font. Below the title, there are several faint, stylized floral and butterfly illustrations in shades of pink and grey. The overall aesthetic is delicate and artistic.

Моя лера

Key 4 Sally

18+

Key4Sally
Моялера
Серия «Валерия», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32552150
SelfPub; 2021*

Аннотация

В королевство Графа пробирается тьма, тянущая ледяные руки ко всему живому – огромные кристаллы вырастают из земли, забирая жизнь всякого, кто к ним прикоснется; жуткие тени, похожие на людей, бродят по деревьям, пожирая все на своем пути; нулевой день бессовестно крадут у человечества, пуская его на топливо. Все это – дело рук чудовища, имя которому Умбра. Как хрупкая девушка может победить огромного монстра, и зачем Умбре знакомиться с Лерой лично? Завершающая история о Валерии, где недостающие кусочки мозаики займут свои места, река времени раскроет свои секреты, а тот, кто никогда не был человеком, получит второй шанс.

Содержание

Глава 1. Гость из прошлого	4
Глава 2. Бойня подушками	32
Глава 3. Призрак недостижимого	61
Глава 4. Вожделение	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Key4Sally

Моялера

Глава 1. Гость из прошлого

– Валерия Викторовна... – задумчиво протянул невропатолог, читая мою медкарту с таким лицом, словно она написана на древнем иврите. Он почесал кончик носа, поправил очки, и, отложив ее в сторону, посмотрел на меня. – Какие-то еще жалобы есть?

– Нет.

– Повышенная усталость, головная боль, боли в сердце, в желудке?

Я отрицательно помотала головой, хотя и задумалась, какое отношение может иметь желудок к бессоннице. Ну, ему виднее. Мужчина лет шестидесяти в идеально чистом и выглаженном халате еще долго расспрашивал меня о моем самочувствии. Я инфантильно мотала и кивала головой там, где требовалось первое или второе. Мне, действительно, нечего было добавить к тому, что я уже сказала.

– К психологу, психотерапевту не обращались?

– Была у психолога, пару раз.

– И как?

– Как видите, – я указала рукой на него самого и стол, где

в полнейшем беспорядке валялись карты пациентов, записки, скрепки, бумага, мобильный телефон, стетоскоп и другие атрибуты врача с минимальным количеством времени и нескончаемым потоком пациентов. Он кивнул и достал блокнот. Пока он писал что-то на первом листе, он говорил со мной, не глядя на меня:

– Это легкое снотворное, продается без рецепта. Начнем с него, а дальше будет видно. Но я настоятельно рекомендую вам обратиться к психотерапевту. Снотворное не лечит, а купирует симптоматику. Вам нужна консультация специалиста.

Я снова кивнула. Он этого не увидел, но, наверное, медицинским опытом почувствовал, потому как, не дожидаясь моей реплики, сказал, что на следующий прием мне нужно явиться через месяц. Я снова кивнула. Он поднял голову, посмотрел на меня, протянул мне рецепт, и после того, как бумага оказалась в моих руках, углубился в мою медкарту, записывая обо мне что-то, чего я знать не хотела. Выйдя из кабинета с заметным облегчением, я направилась в гардероб со скоростью напуганной газели. Поликлиника, с ее бесконечными очередями и до отказа заполненными коридорами, вгоняла меня в состояние полного уныния, и покинуть эту юдоль скорби хотелось как можно скорее.

Оказавшись на улице, я полной грудью вдохнула прохладный осенний воздух, который после больничного казался хрустально чистым, словно артезианская вода. Быстро спу-

стившись с крыльца районной поликлиники, я первым же делом отправилась в близлежащую и, по приятному совпадению, самую дешевую аптеку. Цена кусалась, но не так, чтобы очень. Денег не жалко, если это будет работать. Выйдя из аптеки, я заметно воодушевилась в надежде на то, что сегодняшняя ночь будет первой за два года, когда я просплю положенные мне восемь часов вместо четырех. И тут я поймала себя на мысли, что в свой выходной я пошла не за тряпками, а в поликлинику, и радуюсь я не новеньким сапогам, а упаковке снотворного, и на ночь у меня запланирована не бурная вечеринка, а крепкий, здоровый (не без помощи лекарств) сон. Господи, я – старая кляча! Как можно чувствовать себя старухой в двадцать три? Не знаю – как, но, как оказалось, очень даже возможно. Я оглянулась и посмотрела на витрину аптеки, глядя на свое отражение – тугой конский хвост, никакого макияжа, невзрачная куртка и полное отсутствие осмысленности в глазах. Я была противна сама себе. Опустив глаза и втянув голову в плечи, я быстро зашагала к дому, глядя только под ноги и ни разу, как и всегда, впрочем, не подняв головы, чтобы хоть мельком взглянуть на окружающий меня мир. И это не осень вгоняла меня в хандру, наоборот, с приходом осени, я хоть немного расправила плечи. Хандра моя началась два года назад, в прихожей моих бабушки и дедушки, и все никак не могла закончиться. Не становилось ни лучше, ни хуже, а ровно так же, как и в тот день.

Я очень быстро добралась до дома. Буквально бежала, чтобы спрятаться в четырех стенах, запереть за собой дверь и закрыть все окна. Если бы было можно, я бы подняла мост, чтобы враг не прошел через ров, забаррикадировала входные ворота и, глядя из узкой бойницы, целилась в невидимого врага сквозь прицел арбалета. Но этого не требовалось. У кого нет друзей – у того и врагов нет. Саня бросила все попытки связаться со мной полгода назад. Полтора года эта отчаянная девушка отказывалась признавать, что я потеряла всякую необходимость в ней. Она честными и нечестными путями боролась за то, что когда-то было дружбой, но потом и она сдалась. Честно скажу, я испытала облегчение. Да, знаю, что вы скажете. Нет, мне не стыдно. К сожалению. Я бы и рада почувствовать себя сволочью и мерзким, неблагодарным человеком, но ничего подобного не чувствовала, так зачем же врать, что я раскаиваюсь? Я прекрасно понимала, что поступаю так, как ни один человек в мире не заслужил. Тем более Сашка, которая всегда была мне верна, во всех смыслах этого слова. Но когда состоялся окончательный «развод», я не пролила и слезинки. Прости меня, Саня, но я ничего не чувствую, и честность – единственное, чем могу отплатить тебе за твою любовь. Я – как утопающий, сбрасывала балласт, но почему-то этим балластом всегда оказывались люди.

Я зашла, закрыла дверь и выдохнула. Моя однокомнатная Бастилия была тиха, словно морг. Пока я разувалась, я

в сотый раз заставила себя испытать благодарность по отношению к моим бабушке и дедушке. Удивительного терпения и любви люди, которые совершенно спокойно отнеслись к моему желанию жить отдельно. Они, конечно, пытались логически обосновать полное отсутствие необходимости в отдельном жилье, но я была непреклонна. Как только я сказала, что собираюсь снимать комнату в общежитии, бабушка всплеснула руками, а дед засмеялся:

– Не смейся меня, Валерия, – говорил он, утирая слезы со старческих глаз, полных бесконечной любви и нечеловеческой мудрости. – Придумаем что-нибудь.

И мы придумали. Посчитав и взвесив все за и против, мы пришли к выводу, что ипотека выйдет ровно в ту же сумму, что аренда. Тем более, как оказалось, у них накопились некоторые сбережения, которые без особых жертв можно внести в качестве первоначального взноса. Выяснилось, что покупка квартиры уже давно маячила на горизонте, но особой необходимости не было. А теперь появилась. Саму ипотеку взяла тетка, и через какое-то время я уже въехала в свою собственную квартиру. Неплохо, да? В двадцать три иметь свой собственный угол? Оплату ипотеки бабушка с дедушкой, естественно, взяли на себя, потому как зарплата младшего библиотекаря совершенно не предполагает подобной роскоши. Они собирались взять на себя и коммунальные платежи, но тут уж я гордо заявила, что буду платить сама. Что и делала. Вторая половина зарплаты уходила на еду. Не

смеетесь, но я научилась готовить. Саня бы живот надорвала от такой новости. Получается из рук вон скверно, но организму нужны калории, а потому приходится есть свои, не побоюсь этого слова, шедевры. Становится намного легче, когда бабушка приезжает в гости с полной сумкой нормальной человеческой еды. Но приезжает она редко, так как знает, что мне это событие не приносит ни радости, ни огорчения. Наверное, ей больно смотреть, как я тихо зверею в гордом одиночестве, а потому я натягиваю на лицо улыбку и стараюсь говорить хоть что-нибудь. Она на мою физиономию никогда не клюет, а потому, выясняя, что я жива, здорова и не увлеклась наркотиками, быстро уезжает восвояси.

Я разулась и прошла в комнату. Далеко не стерильно. Кое-где валяется неубранная одежда, в дальнем углу еще неделю назад поселились колготки, и я никак не могла заставить себя убрать их на положенное им место. Казалось бы, чего уж тут сложного – нагнись и подними. Не сейчас... Диван, стол, книжная полка, ноутбук и шкаф – вот и все, что представляет собой моя келья. На монашество я, конечно, не претендую, но иногда мне кажется, что в комнате слишком много свободного места. Особенно, когда я дома. И вроде бы то, чего я и хотела – отдельное жилье, полная самоизоляция, и самое время устроить анархию и жить исключительно в свое удовольствие. Но почему-то не живется.

Я устало плюхнулась на диван и поставила коробку со снотворным на стол. Подумала, что со стороны все это смахива-

ет на классическую сцену самоубийства в банальных голливудских фильмах. Дальше, по сценарию, мне нужно достать бутылку коньяка, а еще лучше – дешевой водки и запить ею огромную горсть таблеток. Но не переживайте, этого не случится. Я люблю жизнь. Правда, пока не решила – почему.

Я достала с полки «Пикник на обочине» и забылась чтением на ближайшие несколько часов. Очнулась когда стемнело и только от того, что рука затекла так, что, казалось, отнимется. Я отложила книгу и пошла на кухню. Там старый добрый холодильник приветливо распростер передо мной свои объятия. Если бы не он, жизнь окончательно пошла бы под откос. Внутри сиротливо жались друг к другу два пирожка с капустой, которые привезла бабушка еще четыре дня назад, и упаковка йогурта. Все это было быстро уничтожено. Потом – душ, постель и таблетка снотворного. Как и было обещано в инструкции, через полчаса я начала чувствовать, как тело наливается приятной слабостью, заставляя меня забыть обо всем, что принес сегодняшний день. И хотя ничего толкового он не принес, я была рада забыть его, как страшный сон. Перед тем, как окончательно провалиться в сон, я подумала, что теперь важно не проснуться в четыре утра и не проваливаться в ожидании сигнала будильника, уныло глядя в потолок.

***

Будильник я слышала лишь с третьего раза, благо, современные возможности позволяют оттягивать момент пробуж-

дения до последнего. Впервые за два года я опаздывала. Не скажу, что это самое приятное ощущение, но мозг мой радостно вопил еще не проснувшейся мне, что я проспала всю ночь, ни разу не открыв глаз. Я, как могла, радовалась этому факту, но сложно быть искренне счастливой, когда до выхода осталось пять минут, а ты выглядишь, говоришь и чувствуешь себя, как пьяный прапорщик. Естественно, с перепугу все, что мне требовалось для выхода в люди, попряталось и наотрез отказывалось попадаться мне на глаза. В результате оделась я так, что стыдно было бы явиться в публичный дом, не говоря уже о публичной библиотеке. Почему-то из всей одежды, что была у меня, я смогла найти только бессовестно короткую юбку, которую не носила уже сотню лет. Откуда она вообще взялась? Неужели я когда-то носила это? Я была уверена, что выбросила ее, более того, я была уверена, что не покупала ее изначально. Но факт остается фактом – вот она, юбка, – прямо передо мной. И куда делись джинсы? Кофта на месте, а джинсы испарились. Искать их у меня времени не было, я и помчалась в ванную. Выйдя из нее, я уже опаздывала на пять минут, но все же в последний раз постаралась отыскать одежду, в которой меня не примут за стажерку уходящей на пенсию стриптизерши. Тщетно. В результате я вылетела из дома, на ходу завязывая хвост и застегивая крутку.

Странно, но по всем законам отвратительного утра, я должна была прибежать на остановку за секунду до того, как мой автобус прощально мигнет мне задними фарами. Но

этого не случилось. Я совершенно спокойно села в огромный зеленый «Лиаз», который послушно пришел на остановку ровно к моему приходу. Чудеса, честное слово. Но сейчас даже такое маленькое чудо радовало меня. Но потом, когда какой-то мужчина, с легкой руки, оторвал карман моей куртки, я поняла, что чувство юмора у судьбы весьма скверное, и не стоит принимать за чистую монету каждую ее улыбку, потому как иногда она не улыбается, а смеется. На работу я явилась с десятиминутным опозданием, чем неприятно удивила свою начальницу:

– Лера, все хорошо? – она поправила очки в тонкой оправе, которые делали ее глаза огромными, как у совы, и осмотрела меня с ног до головы, задержавшись сначала на кармане, а потом на юбке. Что тут скажешь? По-моему все очевидно, и я лишь молча развела руками. Она, будучи мудрым человеком и чрезвычайно опытным руководителем, с достоинством приняла такой поворот судьбы. – Чувствуешь себя нормально? Может, возьмешь отгул?

Я помотала головой, скорчив гримасу искреннего раскаяния. Она кивнула и снова уткнулась в монитор, а я прошла в подсобку, где разделась и, одергивая ползущую на уши юбку, пошла на рабочее место – нести печатное слово в массы. Никто из сотрудниц не поленился по-доброму пройти колкостями по длине моей юбки, но, как ни странно, благовоспитанные женщины и девушки отнеслись к исчезновению джинсов с таким пониманием, как будто абсолютно каж-

дая прошла через это, словно через обряд посвящения. Наверное, каждая.

Весь день прошел в бессмысленной суете, которая занимала много времени, но в итоге не давала никакого результата. Зато пролетел день просто молниеносно. Одна беда – время от времени я засыпала, стоя. На упаковке было написано, что препарат не дает сонливости в течение дня, а вот уже в инструкции было коварно замечено, что побочные эффекты проявляются индивидуально, и в редких случаях сонливость все же наблюдается. Что ж, я – редкий случай. Я зевала и спала на ходу, держась за любой, более-менее, устойчивый предмет и как лошадь засыпала стоя, стоило мне задержаться где-то дольше пяти минут. Похоже, все, что я недоспала за два года, резко свалилось на меня в одни сутки. Благо, меня таскали по всей библиотеке, и мне просто физически некогда было спать. В конце рабочего дня выяснилось, что одна из сотрудниц съела что-то, по Булгакову, «не первой свежести» и отправилась домой с полиэтиленовым пакетом в руках. Я осталась за нее до конца рабочего дня. Уже ближе к девяти, где-то за двадцать минут до закрытия, ко мне подбежала одна из сотрудниц и с горящими от любопытства глазами сообщила, что ко мне пришел какой-то молодой человек. При этом взгляд ее сверкал тем самым нездоровым блеском, в котором отчетливо читалось удивление, смешанное с восторгом.

– Какой еще молодой человек?

– Не знаю, он не представился, но очень настойчиво просил встретиться с тобой. Я его проводила в читальный зал, он ждет тебя там.

Честно говоря, я восприняла это как ошибку. Бог знает, сколько Валерий ходит по земле и, скорее всего, молодой человек просто заблудился. Я кивнула и сказала, что сейчас подойду, но та, напоследок, все-таки выпалила:

– Господи, Лерка, откуда у тебя в знакомых такой красивый мужик!?

И вот тут-то я напряглась. Единственный из всех знакомых мне мужчин, который вызывал ТАКУЮ бурю восторга, был...

Я бросила все дела. Быстро прошла коридором в читальный зал и притворила за собой дверь. В такое время, как говорится, редкая птица долетит до середины Днепра, а потому читальный зал был совершенно пуст, и кроме меня и загадочного гостя никого не было. Да и загадочного гостя не было видно. Стеллажи с книгами были поставлены так, чтобы человек мог скрыться и, если можно так выразиться, затеряться в помещении, чтобы спокойно, не торопясь, выбрать то, что придется ему по душе, а потому напоминал некоторое подобие нехитрого лабиринта. Заблудиться невозможно, но спрятаться легко. Я тихо шла по проходу между стеллажами и уговаривала себя, что мои подозрения совершенно беспочвенны, так как тот, кого я подозреваю, наотрез отказался возвращаться сюда. Но, шагнув к последнему стенду с книгами,

где заканчивался раздел «Английская литература», я увидела его, сидящего в мягком кресле вместе с Гербертом Уэллсом. Ну, не с самим Уэллсом, а с «Войной миров». Лениво перелистывая изрядно пожелтевшие страницы, он поднял на меня глаза и обольстительно улыбнулся. Я закатила глаза и выжидательно посмотрела на него. Ничего, кроме раздражения, во мне не проснулось, а потому пауза, которой он подчеркивал многозначительность своего появления, начинала меня раздражать.

– Тебе чего? – спросила я, чтобы, наконец, перейти к словесному общению.

Влад, оглядев меня с ног до головы, задержал взгляд хитрых глаз на моей юбке, удивленно приподнял бровь, и улыбка его стала еще шире:

– Мне очень нравится, – промурлыкал он.

– Могу дать поносить, – хмуро пробубнила я. – Чего нужно?

Странно все это, потому как Влад явился не из дома, не с работы или напрямиком с новомодного курорта, а из совершенно иной реальности. Мне было положено удивляться и восхищаться, но ни того, ни другого не последовало. Наверное, и к таким вещам тоже привыкаешь.

– Просто хотел узнать, как у тебя дела, – сказал он томно-ленивым голосом, ставя «Войну миров» обратно на полку.

– Ну, для этого самому появляться совершенно не обяза-

тельно. Отправил бы почтового голубя.

– Отправил бы, да Великая сказала, что голубь до тебя не долетит.

– Великая может придумать миллион других вариантов, как отправить весточку на другой конец вселенной. Она отправила тебя с чем-то конкретным?

– Она не отправляла. Я пришел сам.

Он посмотрел мне в глаза. Цвет его глаз казался неестественно синим, словно в них, и правда, было море. Он похорошел. Немного поправился, а цвет лица стал молочно-бежевым и прямо – таки светился изнутри. Он был шикарно одет и вроде бы не по моде, но очень стильно. Было видно, что настроение и самочувствие у него прекрасные, а потому его чары работали на всю мощь. Неудивительно, что он вызвал такую бурю эмоций у моей коллеги. Выглядел он превосходно. Но все это ничего не разбудило во мне. Весь его внешний вид и манера поведения буквально кричали о том, насколько хорошо сказалась на нем смена места жительства, но его красота и обаяние никак не касались чего-то важного внутри меня. Я все видела, но ничего не воспринимала. Внутри меня по-прежнему была выжженная земля, которая пропиталась радиацией и химическими отходами. Ничего там не росло. Ничего там не выжило. И Влад все это видел, но почему-то это его не смущало. То ли он был совершенно уверен, что мое состояние временное, то ли самонадеянно полагал, что его очарование разбудит во мне жизнь, как в

сказке о спящей красавице. В общем, он улыбался, строил мне глазки и был чертовски хорош. А мне было как-то наплевать:

– Я и спрашиваю, уже в третий раз, что тебе нужно?

Он поднялся. На нем была темно-синяя рубашка, черные брюки и пальто, то ли темно-коричневое, то ли темно-бордовое, я никак не могла понять оттенок, потому что он как-то плавал от одного варианта к другому. Ну, или просто освещение плохое. Он шагнул ко мне, и тут моя физиология дала слабину – крошечная брешь, сквозь которую проник и так пленительно окутывал меня запах его кожи, знакомый и такой уникальный, что распознать его я могла бы из миллиарда других вариантов с первого раза. Высокий, крепкий, но по –прежнему изящный, излучающий титаническое спокойствие и снисходительную самоуверенность. Честно говоря, внутри у меня дрогнуло, и я отчаянно схватилась за это тонкое, едва уловимое ощущение, чтобы поймать, схватить и не отпускать его, в надежде на то, что оно вырастет и переродится в полноценное чувство, которое наконец-то сотрет это омерзительное выражение полудохлой рыбы на моем лице. Словно тонкий завиток дыма, оно тлело внутри, расползаясь по закуткам моей мертвой души, стараясь заползти как можно дальше, залезть глубже. Тонкое, нежное чувство было таким слабым, что я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться, услышать, почувствовать. Влад смотрел на меня, любясь моим лицом и ждал, что прямо сейчас закончится это глупое пе-

ротягивание каната и мы, как взрослые люди, шагнем вместе и пойдем по жизни бок о бок, как друзья, как любовники, как родные люди. И тут он все испортил, прикоснувшись рукой к моей шее. В мгновение ока тонкая, эфемерная материя внутри меня растаяла, не оставив и следа. Все исчезло. Я открыла глаза, сделала шаг назад и окинула его равнодушным взглядом. Поначалу он и не понял, но потом разочарование вспыхнуло в его глазах:

– Черт... – он с досадой мотнул головой.

А мне стало забавно. Горько и смешно. Я скривила рот в ехидной усмешке:

– Так что тебе нужно?

Он снова поднял на меня глаза. Посмотрел, словно это я все испортила, и сказал на выдохе:

– Хочу, чтобы ты вернулась к нам. Ко мне.

– Нет, – ответила я безо всякой наигранной самоуверенности и бравады. – Я остаюсь здесь.

Я повернулась и пошла, слыша его шаги за моей спиной.

– Лера, тебе нельзя тут оставаться. Посмотри на себя. Да, снизу все прекрасно, но сверху... Ты похожа на блокадницу, и тебе в жизни не дашь твои двадцать четыре.

– Двадцать три, – огрызнулась я.

– Всего-то месяц остался. Считай двадцать четыре. Ты здесь тускнеешь. Сохнешь на глазах, в прямом смысле слова. Сколько ты потеряла? Пять кило? Четыре?

– Не измеряла.

– Зато у меня глаз наметан. Поверь мне, как мужчине, в прошлом весе тебе было гораздо лучше.

– Вес имеет такое значение?

– В числе прочего – да. Я ведь не о твоём весе толкую. Посмотри на свои глаза.

Он схватил меня за руку и повернул к себе, заставив остановиться. Мы смотрели друг на друга. Он настырный, но я – пустая. Мне нечего было доказывать. Все его попытки надавить на мою гордость и воззвать к моему эго, с самого начала были обречены на провал и просто падали в пустой колодец. Ничего из вышеперечисленного во мне не осталось, а потому и взывать было не к чему.

– Лерка, ты – как ходячий мертвец.

– До неужели? Наверное, стоило об этом задуматься, когда...

– Когда что? Тогда, знаешь ли, некогда было анализировать! – прикрикнул он, а потом снова снизил голос до шепота. – Ты рисковала жизнью, и не только своей! Нужно было оставить тебя там?

– Да.

– Тогда он бы сейчас догладывал твои кости.

– Прекрасно. Я хотя бы не мучилась.

– О, какие мы смелые и бесстрашные. Перед лицом смерти не все так радужно. Как бы я жил, если бы оставил тебя там?

– Так же, как я сейчас, – шепнула я и развернулась. Я ша-

гала по ковровину, который приглушал звук шагов, и спиной чувствовала, что он больше не идет за мной. И когда закрывала за собой дверь, читальный зал был совершенно пуст. Я повернулась и тихо пискнула. Влад стоял прямо передо мной.

– Идиот!

– Лера, ты мне нужна.

– Сочувствую.

Я обошла его и быстро направилась к служебному помещению за курткой с оторванным карманом. Влад шел следом за мной. Когда мы проходили мимо трех старших библиотечарей, в возрасте от тридцати пяти до сорока, Влад обольстительно улыбнулся и, слегка кивнув головой, сказал своим бархатным голосом, который разлетелся по пустой библиотеке:

– Добрый вечер.

Я успела увидеть, как расцвели, засияли лица взрослых, умудренных опытом женщин, которых, казалось бы, невозможно смутить таким позерством. Оказалось очень даже возможно. Улыбаясь, они провожали взглядами высокую статную фигуру, чья походка была вальяжной, неспешной, уверенной и плавной. По-моему их даже не смутило, что посторонний человек идет к подсобному помещению, что было категорически запрещено.

– Лера, – говорил он мне в затылок. – Речь – не о моих личных желаниях.

– Вот как?

– О личном я уже все сказал. Тут решение только за тобой.

– Ну тогда я тоже уже все сказала.

– Говорю же, дело не только во мне. У нас творится что-то странное.

– У Вас всегда творится что-то странное.

– На этот раз все серьезнее, чем ты думаешь.

Я открыла дверь в подсобку, зашла и взяла куртку с сумкой. Повернувшись к двери, я уперлась носом в широкую грудь Влада, который преградил мне дорогу.

– Нам срочно нужно назад, – сказал он. – Сама увидишь, когда мы там окажемся.

– МЫ, там не окажемся. ТЫ возвращаешься один.

Мы вышли из библиотеки в темноту осеннего вечера. Он бежал за мной по ступеням парадного входа и пытался меня остановить.

– Лерка, ну остановись хоть на минуту и выслушай меня. От чего ты так бежишь? Если тебе и правда стало все равно, так остановись на минуту и выслушай меня, от тебя не убудет. Большого не прошу, просто послушай.

Я спустилась с последней ступеньки и повернулась к нему. Он подошел ко мне и впился в меня темно-синими глазами, стараясь понять, сможет ли он переменить мой настрой, уговорить меня.

– Там у нас происходят странные вещи, которые никто, даже Великая, не может понять. К нам что-то подбирается.

– Господи, ты о чем? – я смотрела на него, словно он несет околесицу. – Что за ерунда? Влад, ты думаешь, если наговоришь кучу не связанных между собой слов, я побегу за тобой из чистого любопытства?

– Нет, я хочу, чтобы ты побежала за мной из желания помочь. Не обо мне и о тебе речь. Нам с тобой есть куда бежать, а вот Ирме, Косому, Игорю, Ольге? Ты подумай, им бежать некуда, эта вселенная – их дом. А Великая и Водяной? Им точно нет места в нашем мире.

Я шумно выдохнула через нос. По самому нежному прошелся – по Ирме. Он знал – я сейчас – калека, и даже Ирма не в состоянии сделать так, чтобы я снова жила. Он знал – я больше не плачу по ночам и не трясусь от непреодолимого желания быть рядом с кем-то. Ирма, нежная и любимая, стала для меня просто именем, таким же пустым и беззвучным, как и прочие, но память – то моя – в полном порядке, и я не чувствую, но помню, что когда-то она очень много значила для меня.

– Что случилось? – спросила я.

– Не здесь. Пойдем со мной, сама все увидишь.

– Влад, я, правда, не пойду. Хочешь говорить – делай это здесь.

– Ну, хотя бы не посреди улицы.

Возле больших входных дверей библиотеки слышались голоса. Я посмотрела туда и увидела, как мои коллеги, в том числе и те, что попались под влияние чар Влада, выходили на

крыльцо, с любопытством глядя на нас, без тени смущения рассматривая мужчину рядом со мной.

– Ладно. Идем ко мне.

Лицо Влада просияло улыбкой, полной наигранного вождения и ожидания чего-то совершенно не дружеского в моем приглашении. Я закатила глаза. Влад засмеялся:

– Я же шучу, глупая, – сказал он, молча разглядывая мое лицо, а затем добавил. – Просто я соскучился.

И на этот раз он посмотрел на меня открыто и честно, без притворства и позерства.

– Идем. Остановка – там, – я кивнула в сторону, показывая куда идти. Он с сомнением посмотрел на длинную аллею.

– У меня идея гораздо лучше, – сказал он, и повел меня к дороге, за здание библиотеки.

– Куда мы идем?

– Увидишь.

Как только мы зашли за угол, он резко остановился, сгреб меня в охапку и, прижав к себе, сказал что-то на непонятном, но знакомом мне языке. И снова, как когда-то давно (словно бы и вовсе в прошлой жизни), воздух перестал существовать, а мир обрушился на нас шквальным ветром, который грозился сорвать с нас не только одежду, но и кожу. А в следующее мгновение мы стояли посреди моей квартиры при полном штиле и в оглушающей тишине. Я оттолкнула его:

– Мне казалось, что мы еще в первый раз договорились больше так не делать!?

– Ни о чем мы не договаривались, – сказал он, отступая от меня и оглядывая мою новую обитель. – Как-то пасмурно у тебя.

– Ну да, немного не дотягивает до царских палат, в которых Вы привыкли обитать, но мне нравится.

– Не нравится.

– Тебе-то откуда знать?

– Просто, это видно. И мои царские палаты, если ты имеешь в виду дом моих родителей, уже не мои и не будут моими.

– В смысле? То есть, почему? – спросила я, снимая обувь и куртку.

Влад, медленно снимая пальто, неспешно прошелся по небольшой комнате, оглядывая нехитрую обстановку взглядом, полным искреннего любопытства. Увидев колготки, в углу, он улыбнулся.

– Мои родители исключили меня из завещания, – сказал он и улыбнулся мне так лучезарно, словно это было чем-то забавным или само собой разумеющимся.

– За что? – спросила я, нахмурившись.

– Ну... – протянул он задумчиво, а затем наклонился и вытащил мои джинсы из-под дивана. Вскинул брови в своем фирменном жесте умиленного удивления и посмотрел на меня. Я залилась краской и выхватила их из его рук. Вот как они там оказались? А Влад продолжил все тем же невозмутимым тоном, что и до этого:

– Перед тем, как окончательно остаться в своем мире, я пришел сюда, чтобы попрощаться с ними. Они меня не поняли, что, собственно, не удивительно... Разговора не получилось, зато вышел очень даже примечательный скандал, после которого отец заявил, что я здесь больше ни на что не претендую. Сказал, что оставит меня, и я цитирую: «С голым задом». Я не стал спорить. Так что теперь я – нищий, – подытожил он и искренне засмеялся. Он посмотрел на меня, а затем сел на край моего дивана, продолжая смотреть мне в глаза. – Что скажешь на это? Нравлюсь я тебе с «голым задом»?

Я залилась краской. Нарисовать эту картину в переносном смысле мне никак не удавалось, только – в прямом.

– Ты мне и одетым-то нравишься через раз.

Он засмеялся:

– Я знаю.

– Ну, сказать что-то и сделать – разные вещи. Не думаю, что...

– Это не про моего отца. Он всегда делает так, как обещает, и тут не бывает исключений.

– Наверное, ты их, в каком-то смысле, подвел.

– Да не в каком-то, а в самом что ни на есть прямом. Там теперь столько бумаг переписывать...

– Это не смешно.

– Пожалуй. Но со своей стороны, я поступил предельно честно.

– Предельно честно ведут себя идиоты или эгоисты.

– Наверное, – он задумчиво кивнул – Но не об этом речь.

Я хочу, чтобы ты помогла нам. У нас и правда творится что-то из ряда вон...

И он рассказал мне, что происходит там, где остались одни руины и самые близкие люди.

Когда он закончил рассказ, на улице уже была глубокая ночь. Свет мы не зажигали, только ночник слабо светился в углу комнаты. Мы сидели на полу. Не знаю – почему, как – то само собой получилось. Он сидел, облокотившись на диван, я сидела напротив, периодически пытаюсь вырвать ворсинку из толстого, пушистого ковра, на котором мы провели ближайшие два часа. Было выпито пять кружек кофе на двоих и съедена коробка печенья (мной одной).

– Вот, в общем-то, и все. Что скажешь?

Я молчала, уставившись на его руку, которая покоилась совсем рядом с моей. Потом я открыла рот, но не сказала ни слова. Все это время Влад смотрел на меня, разглядывая мое лицо, такое знакомое, такое родное. Он не видел меня два года, и с тех пор я немного повзрослела, стала более угловатой, пропала юношеская округлость лица и стали немного ярче линии подбородка и скул. Кроме того, потерянные килограммы и черные круги под глазами, действительно, делали меня старше, чем я есть, тут спорить нет смысла, но при этом как – то сильнее на этом фоне выделялась женственность, появляющаяся во мне только сейчас. Удивитель-

но, но я пришла к выводу, что женская психика не поспевает за физиологией. К тому моменту, когда тело уже готово стать женщиной и рожать детей, голова совершенно не понимает, для чего ей это нужно, и чтобы одно совпало с другим, должно пройти еще какое-то время. Теперь, когда у меня, наконец, совпали и голова и тело, та немногая чувственность, которой наградила меня природа, стала проявляться внешне – во взгляде, в движениях, в повадках. Влад, уже давно постигший все грани женской привлекательности, и определившийся в этом вопросе со своими вкусовыми предпочтениями, с нежностью, любопытством и предвкушением наблюдал за тем, как распускается во мне женщина, предугадывая ее силуэт и будущие черты. Он гораздо лучше, чем я, представлял, какой я буду через какое-то время, и сейчас, глядя на меня, он смотрел не на настоящую, а на будущую меня, любуясь еще не завершенной женской сущностью. Он задумчиво потирал подбородок и еле заметно улыбался одним уголком рта.

– Влад, я не знаю, чем могу помочь? Я согласна, ситуация странная, но я не вижу моей необходимости...

Влад отвел взгляд, отвлекаясь от собственных мыслей:

– Я тоже не вижу. Зато Великая видит.

– Ох уж эта Великая... – сказала я, проводя ладонями по лицу. – Все-то она видит и знает.

Тут он пододвинулся ко мне. В глазах его зажегся огонек и он, убирая мои волосы назад, приблизился к моему лицу

так близко, что мы касались друг друга носами. Никакого смущения, и если раньше я бы залилась краской, то теперь я просто смотрела в синие глаза, прямо и открыто.

– Помнишь, как мы целовались посреди замерзшего океана?

Я кивнула.

– Скажи честно, ты тогда правда видела Никто, или просто постыдно сбежала с поля боя?

– Правда. Он был там. Собирался тебя убить, между прочим, – прошептала я.

– Ну, сейчас то его здесь нет? – и он тихонько коснулся губами моих губ. Горячее дыхание нежно прошло по моим губам, и в любой другой ситуации я была бы уже обезоружена. Но сейчас, когда огромная черная дыра медленно вращалась внутри меня, это волновало меня не больше чем если бы кто-то коснулся меня рукавом в автобусе.

– Сейчас и меня здесь тоже нет, – сказала я и почувствовала, как крошечная слезинка скатилась по щеке. Мне не хотелось плакать совсем, и откуда она взялась, я и сама толком объяснить не могла, но Влад отстранился, посмотрел на меня с тревогой, а потом обнял, прижал к себе. Я не сопротивлялась и, утопая в его объятьях, слышала, как он тихо шепчет мне:

– Милая моя, родная моя девочка... я тебя спасу. Я тебя обязательно вытащу из твоего летаргического сна. Пойдем со мной. Там так красиво, даже сейчас, когда творится неиз-

вестно что. Я покажу тебе замок, который мы построили. Он великолепен и втрое больше прежнего. Я дам тебе там полную свободу. Делай, что хочешь. Будешь там королевой. Хочешь?

Я отрицательно помотала головой, а потом высвободилась из его рук и отодвинулась:

– Не хочу я быть твоей королевой.

– Не будь моей королевой. Будь королевой в моем замке.

– А в чем разница?

– Владеть не мной, а всем тем, что у меня есть – вот в чем разница.

– Слишком уж хитро. Ни так, ни так не хочу.

– Так чего же ты хочешь? – спросил меня Влад, хмуря брови.

– Хочу остаться здесь. В своем замке и учиться жить с тем, что есть.

– Господи, Лера... – закатил глаза Влад. – Поменьше драматизма. Что же такого случилось, что мы, на полном серьезе, обсуждаем твою судьбу, словно тебя уже ведут на эшафот? Тебе не кажется, что ты перегибаешь палку в своем страдании? Я понимаю возраст такой, что хочется усиленно жалеть себя и обвинять всех в своей жалкой, никчемной, убогой жизни, но, ты удивишься – жалкой и убогой ты ее делаешь сама. Я не вижу катастрофы! Все живы, здоровы и ты молода, руки, ноги целы, с головой, правда, нелады, но так ведь всегда было.

– Ну, знаешь ли...

– Не знаю и знать не хочу. Я и так дал тебе достаточно времени на то, чтобы ты пришла в себя. Я отпустил тебя и не трогал, но теперь...

– Что теперь? Почему ты решаешь, сколько мне нужно времени, чтобы прийти в себя?

– Я ничего не решаю, просто устал смотреть, как ты высасываешь горе из пальца. Знаешь, какие ужасы случаются с людьми? Похлеще твоих. И знаешь, как ни странно, но человек, на чью судьбу выпадают страшные вещи, никогда не ведет себя, так как ты. Не холит и не лелеет свою боль, не нянчиться с ней, как с младенцем. Он избавляется от нее, бежит или борется, у кого на что хватает сил, но никто не сидит у разбитого корыта, безотрывно глядя на то, что уже не спасти, потому что смотреть на разбитое корыто – значит, снова и снова переживать ад, а это больно, знаешь ли. Люди, пережившие войну, умеют любить мирное небо над головой, тот, кто голодал – никогда не скривится при виде йогурта не той жирности. Хватит, Лера.

– Да что ты пристал ко мне? – я поднялась на ноги и подошла к окну, уперевшись нахмуренным взглядом в ночь за стеклом. – Согласна, я не больна, и все живы, и, да, это – далеко не самое страшное, что происходит с человеком. Но ничего я не могу сделать с тем, что у меня внутри. Я натягиваю на лицо улыбку там, где это требуется. Но ты-то ждешь от меня не вежливости, а чтобы я воспаряла из пепла! Разве

это делается на заказ, по щелчку пальцев? Как можно захотеть чего-то, если я ничего не хочу? Как можно требовать от меня стать счастливой?

– Я не прошу стать счастливой, я прошу перестать себя жалеть и уже делать что-нибудь. Например, пока ты ждешь восстания из пепла твоей души, можем же мы сделать доброе дело и спасти мой мир? Попутно, так сказать, пока нам все равно нечем заняться? Дрогу осилит идущий. Слышала о таком?

– Я не хочу тебе помогать! – повернулась и посмотрела на него прямо и открыто. Я не собиралась сказать гадость и нарочно обидеть, я просто сказала как есть. Честно выразила свои мысли, пожалуй, впервые за последние два года.

Влад молча смотрел на меня. Потом он опустил глаза, поднялся на ноги и, поднимая с дивана пальто, тихо сказал.

– Не хочешь – так не хочешь.

Он накинул пальто, а потом просто исчез, оставив меня совершенно одну.

Глава 2. Бойня подушками

С того дня, как Влад демонстративно исчез прямо на моих глазах, прошло три недели. Осадочка от разговора у меня не осталось, так же, как не появилось чувства вины за грубость и черствость. Все осталось таким же, как и до нашего разговора, словно его и не было. Я даже начинала сомневаться в реальности произошедшего, да вот только коллеги – дамы, попавшие под влияние Влада – весьма красноречиво давали мне понять, что он и правда был здесь. Первое время я никак не могла отделаться от дурацких вопросов и полунамеков, но потом, когда ажиотаж сошел на нет, все вернулось на круги своя, и жизнь вошла в русло серых будней так, словно никогда оттуда не выходила, и самым волнительным моментом стала индексация зарплаты на пять процентов. Снотворное творило чудеса, и теперь, когда я высыпалась и могла трезво рассуждать в течение всего рабочего дня, жизнь уже не была похожа на прокисшие щи. Настроение не поднималось, но туман в голове рассеялся. Теперь проходящая мимо жизнь была кристально чистой и понятной, но при этом ровной, начерченной по линейке полосой, в которой не было места подъемам и спускам.

Через неделю – мой день рождения. У меня даже мелькнула мысль отметить его в кругу родных, и возможно, если небеса будут снисходительны ко мне, и Саня тоже захо-

чет прийти. Да вот только мысль эта задохнулась прежде, чем окончательно сформироваться. Нет, конечно, был определенный прогресс в том, что подобные мысли вообще стали появляться, но, к сожалению, ничем не закончившись, они погибали еще на том этапе, когда я только собиралась произнести их вслух.

В общем-то, до определенного момента все шло так же, как и три недели, как и полгода, год, и два года назад. Определенный момент настал вечером пятницы, когда ничего не предвещало ни беды, ни приключений, и даже погода этим вечером была такой же, как всю неделю до этого. Я сидела в комнате и дочитывала «Град обреченный», когда услышала грохот в ванной. Загромыхало так, словно в ванной поскользнулся и упал слон. Ну или что-то взорвалось. Я замерла, мгновенно покрылась холодным потом, а потом подскочила и понеслась к двери ванной. На ходу моя фантазия выдала тысячу и одна ситуацию, обрисовавшую произошедшее, и самой достоверной была та, где пол соседей сверху просто падает на мою ванную, а сосед тем временем продолжает намыливать спину, сидя в своей ванной поверх моих руин. Трясущимися руками я дернула дверь и застыла.

Из моей ванной торчали ноги. Странно, но я сразу узнала ее по одним только щиколоткам, торчащим из-под шторы, которая обрушилась на нее, как рыболовная сеть. Попалась, моя рыбка. Я сдавленно хихикнула, но тут же подбежала к ней и кинулась освобождать ее от пут. Она нецензурно

и очень изобретательно ругалась, а я всячески пыталась не захохотать во весь голос, глядя на то, как она пытается подняться на ноги. Скользящая ванная, полиэтиленовая занавеска и ее же собственное длинное платье так окутали бедняжку, что казалось, без помощи третьих лиц нам не справиться. Придется вызывать МЧС. Я захохотала.

– Смешно тебе там? – бухтела она откуда из-под всего этого хаоса, отдуваясь и кряхтя. – погоди... вот я выберусь...

Я смеялась и параллельно распутывала Гордиев узел, совершенно не понимая, что меня обрадовало больше всего – само появление Ирмы, или ее эффектный выход. Наконец, она была освобождена. Я помогла вылезти из ванной и, когда она, тяжело дыша, пыталась поправить совершенно аховое положение дел на голове, я, улыбаясь, рассматривала ее с головы до ног. Она поправила платье и подняла на меня глаза.

– Ирма, – прошептала я и обняла ее. Почувствовав, как ее руки обнимают мою спину, я зарылась лицом в ее шею.

– Знаешь, мой зайчик, это не ванная, это кофейная чашка. Как можно там помыться, если даже стоя не хватает места.

Я засмеялась и посмотрела ей в глаза.

– Тебе, моя дорогая, только океан впору будет.

– Ну уж лучше быть как я, чем пугать людей просвечивающими кишками, – она окинула меня взглядом. – Ты вообще ешь? Нет, я серьезно. Ты видела себя? Господи, ты похожа на больную, ощипанную курицу. Ты же синего цвета!

– Ничего я не синяя.

– Синяя, синяя... – она закричала и потеряла ушибленную поясницу. – Выводи меня из этого карцера.

Мы выбрались из ванной. Уходя, я окинула взглядом уборную, дабы оценить ущерб, который, к моему удивлению, оказался невелик – шторка да полка с шампунями. А звук был такой, словно сама преисподняя разверзлась в моей ванной.

– Как ты здесь оказалась?

– Это транспортировочное заклятье, будь оно не ладно.

– Да, кажется, оно и не ладно.

– Ну, у Графа-то получается прекрасно, а я как-то все время приземляюсь то в ванной, то обеими ногами в нужнике.

Я привела ее в комнату и посадила на диван.

– Чаю хочешь? У меня есть печенье.

Ирма пыхла в точности, как Винни-пух из мультфильма. Она расплела бардак у себя на голове, и пышные, волнистые темно-коричневые волосы рассыпались по ее плечам и спине. Она стала еще красивее и еще больше. Огромная грудь обтягивалась шикарным платьем из темно-бордового материала, а удивительно тонкую, для таких габаритов, талию подчеркивал пояс. Кожа светилась, губы были цвета спелой клубники, а глаза – черные, блестящие искры, которые с нескрываемым недовольством осматривали меня. Все в ней выдавало ее счастливую, сытую жизнь. Она заново заплела себе косу, разглядывая меня с ног до головы:

– Некогда нам чай попивать. Давай, пакуй трусы, я заби-

раю тебя.

– Куда?

– Домой. Слушай я насчет еды совершенно серьезно. Ты, правда, не ешь?

– Я ем! А вот что ВЫ там едите, что вас прет, как на дрожжах? И я уже дома.

– Это – не дом. Мы-то как раз питаемся правильно. Видела Графа? Ох, красавец! Моя работа. Знаешь, каких трудов мне стоило вернуть ему вид нормального мужчины?

– Не знаю. И что же это, по-твоему, если не дом?

– Ну, не знаю... Убежище, конура, нора бобра... называй это как хочешь, мой зайчик.

– Это – мой дом, и я никуда не пойду.

Тут Ирма закончила плести косу и подняла на меня глаза:

– Что значит, не пойдешь? – голос ее стал серьезным, и в такой вариации даже немного пугал.

– То и значит, – уже гораздо менее уверенно произнесла я.

– Не пойдешь? – повторила она. В голосе явно прозвенела сталь.

– Не пойду, – проблеяла я, уже изрядно сомневаюсь в своем решении.

Глаза Ирмы вонзились в меня, и тут-то я поняла, какова Ирма, когда Влад боится ее. Холодная решимость, в мгновение ока, сделала из нее женщину-викинга, и смотрела она на меня так, словно я забралась в ее земли в мечом в руках.

– Не пойдешь, говоришь? – сказала она, и голос ее стал

ледяным. И тут маленькая подушечка, что всегда лежала на моем диване стремительно полетела в меня, сопровождаемая страшными ругательствами. Я пригнулась и успела увидеть, как она приземляется в нескольких сантиметрах от нутбука. Ирма поднялась и, хватая вторую подушку, занесла ее над моей головой. Я отшатнулась, и снаряд просвистел прямо перед моим носом, смачно ударившись о подлокотник дивана.

– Я тебе не Граф! – закричала ведьма. – Я тебя уговаривать не буду! Никаких заклинаний влюбленности и прочей белиберды!

И снова подушка пронеслась рядом с моей головой.

– Я тебе такие аргументы сейчас приведу, что жопа еще неделю будет гореть красным, как огненное сердце Данко. Слыхала про такого? – и подушка снова полетела в меня и на этот раз пришлась ровнехонько по спине, довольно болезненно, кстати. Я взвизгнула и побежала по коридору в кухню.

– Я чуть шею не сломала, пока добиралась до тебя, а ты мне рассказываешь, что...

В этот момент я забежала на кухню и заперла за собой дверь, из-за которой слышалась очередная порция нецензурщины. Я щелкнула замком и прислонилась спиной к двери, за которой Ирма поносила меня, на чем стоял свет.

– Развесила нюни, смотреть противно! Сидит она тут, понимаешь ли, сопли на кулак мотает да радуется! Самая несчастная, что ли? А ну выходи, я тебе покажу истинное

несчастье! Сразу поймешь разницу!

Я судорожно металась взглядом по кухне в поисках чего-то, что обычно спасает от разъяренных ведьм, но ни святой воды, ни мела, чтобы очертить круг вокруг себя, здесь не было, а потому приходилась уповать на дипломатический подход.

– Ирма, ты не имеешь права бить безоружных!

– Право? Выходи, трусливая курица, я тебе покажу все мои права.

– Ирма мы так ни к чему не придем!

– Еще как придем, только дай отдышаться.

Тут я услышала за дверью тихий стон и тяжелое дыхание. Я услышала, как моя ведьма сползла по стене и плюхнулась на пол. Ирме стало плохо. Очевидно, межпространственные путешествия давались легко далеко не всем, и сердце моей Ирмы не выдержало нагрузки. Я открыла дверь и вылетела в коридор. Ирма сидела на полу и тяжело дышала. Я подбежала к ней и упала на колени рядом.

– Попалась! – победно выпалила она, когда ее рука намертво вцепилась в мою. Лицо ее снова стало живым и бодрым. – Все, мой зайчик, допрыгалась.

Я возмущенно крикнула:

– Это нечестно! Ирма, у тебя совести нет совсем.

– Честно, говоришь? Ну, так я расскажу тебе, что такое «честно» в твоём понимании, – она закричала и поднялась на ноги. – Честно – это когда у людей хватает совести попро-

щаться, прежде чем уйти. Честно – помогать людям, которые просят, если тебе есть чем помочь. Честно, моя хорошая, – не гонять взрослую женщину между мирами только для того, чтобы потешить собственное самолюбие.

– Да не тешу я ничего!

– Ну, раз так, тогда в путь, родная. Я уже что-то проголодалась.

– Ирма, я...

– Бегом!

Я заткнулась, потому как ну совершенно бессмысленно преграждать путь ледоходу, идущему на полном ходу. Я замолчала и обреченно кивнула:

– Что делать – то нужно?

– Я возьму тебя за руку и произнесу заклинание, а ты должна подумать о том месте, куда мы собираемся.

– И все?

– И все... – пробурчала она. – Все, да не все! Тут еще приземлиться нужно правильно. Попасть надо так, чтобы не оказаться в навозе по самое филе. У Графа это получается очень ловко, а вот у меня... Ты переодеваться не будешь, что ли? – спросила Ирма, глядя на мои джинсы и свитер.

– Я так всегда хожу.

– Ну, тогда понятно, почему кроме Графа на тебя особо никто не покушается. Держи мою руку крепче, – скомандовала она и сжала мою ладонь так, что вырваться было совершенно невозможно.

Она нахмурилась, очевидно, вспоминая слова заклинания, и я тут же подумала, что Влад обычно так долго не возится. У него подобные словечки на языке подвешены, а потому, зачастую, ты просто не успеваешь что – либо сообразить, не говоря уж о том, чтобы стоять и рассматривать магические муки человека, особо не практикующего. Интересно, дай мне пару заклинаний, я тоже буду, как Ирма стоять по десять минут в задумчивости? Может и двадцать, а то и все полчаса. Наконец, нужное слово было найдено под кучей рецептов, народных мудростей и нецензурной брани.

– Готова?

– Готова, готова... – пробубнила я,

В знакомом порыве нас подхватило и понесло. Воздух перестал существовать, а потоки ветра были такими сильными, что впервые за все те разы, что кто-нибудь оттачивал на мне транспортировочное заклинание, мне стало физически больно – шершавый воздух, словно наждаком, сдирал мою кожу, и в какой-то момент я была совершенно уверена, что ее снимет с меня, как костюм. Волосы словно рвали вниз, в то время как голову нещадно тащили вверх. Раньше все происходило быстро, и мы мгновенно оказывались в точке назначения, но теперь я чувствовала, как заныли легкие. Вдохнуть при такой скорости было невозможно – воздух становился, словно камень, а потому я тихонько заскулила, чувствуя, как закружилась голова. А потом все закончилось.

Я стояла в чем-то мягком и теплом и не решалась открыть

глаза. Мне казалось, что на мне не осталось ни кожи, ни волос, а под ногами у меня вонючая мерзость, очень похожая на...

– Навоз, – тихо сказала Ирма и выругалась.

Я открыла глаза и со вздохом облегчения увидела, что кожа моя на месте и даже не покраснела. А навоз, и правда, был под ногами. Вернее мы были в нем, по щиколотки утопая в отвратительно теплой, зелено-коричневой массе. Я повернула голову и увидела как на нас, глазами полными вселенской мудрости, абсолютно невозмутимо смотрела лошадь, не сегодня-завтра собирающаяся к праотцам. Бока ее ввалились, глаза затуманились белой пеленой и не все зубы были на месте. Она лениво жевала траву и осматривала меня так, словно я – третья за сегодняшний день, кто оказывается по колена в продуктах ее жизнедеятельности. Она лениво отвернула голову и, неторопливо работая челюстями, уставилась на деревянную перегородку прямо перед своим носом.

Я повернулась и посмотрела на стоящую рядом Ирму. Та высоко задирала подол платья, который, к слову сказать, уже был безнадежно измазан, и ругалась, хоть святых выноси. Когда словарный запас ее исчерпался, она выдохнула, а затем, посмотрел на меня:

– Вот такого со мной, мой зайчик, еще не было. Всякое случалось, но чтоб в гов...

– Вот вы где!

Мы подняли глаза. Перед нами стоял Игорь. Его лицо за-

стыло в гримасе удивления и чего-то, что через минуту превратится в искренний смех. А пока он разглядывал нас с ног до головы и периодически открывал рот, чтобы задать риторический вопрос вроде «Что вы тут делаете», но очевидно, глядя на Ирму, понимал, что слишком велик риск получить «по щам», и просто закрывал рот, беззвучно поднимая брови вверх:

– Привет, Лера. Очень рад снова видеть тебя, – сказал он, наконец. – Давайте руки, я вам помогу.

Ирма снова сказала что-то непотребное о том, что тут уже ничем не поможешь и, широко расставляя ноги, направилась к узкому проходу небольшого загона, мерзко хлюпая коричневой жижей. Я протянула руку парню, и тот помог мне выбраться из затруднительного положения. Уже на улице, стоя перед большими воротами конюшни, я с грустью осматривала носки и джинсы, которые уже не спасти. Здесь была ночь. Мы стояли в полумраке, разбавляемом светом фонарей. Ирма стояла рядом со мной и обсуждала с Игорем какие-то доски и гвозди, то ли для веранды, то ли для беседки, и пока они перебрасывались ничем не запоминающимися фразами, я чувствовала, как навоз начинает застывать на моих ногах. Меня передернуло от отвращения. Ирма это заметила:

– Ладно, Игорь, мы пойдем, приведем себя в порядок, а ты передай, что мы уже здесь.

Игорь кивнул и зачем-то снова пошел в конюшню.

Я подняла голову и посмотрела перед собой. Раскрыла бы-

ло рот, но не смогла произнести ни слова. Перед нами высилось что-то исполинское, невероятно огромное и грубое отесанное, словно скала. И только мгновением позже я поняла, что это и была скала, но странным образом испещренная окнами самых разных размеров и форм. Но удивляло не то, что все они были разные по высоте, форме и стилю, а их расположение – они не шли рядами, как в нормальном здании, а были расположены так, словно кто-то разлил краску, и там, куда упали капли, решили сделать окна. Некоторые горели, но большая часть угрюмо смотрела темнотой. Высота была совершенно невероятной, и снизу казалось, что многочисленные пики этой горы уходят далеко за облака.

– Нравится? – с нескрываемым восторгом спросила Ирма, и тоненькое попискивание в ее голосе говорили о том, что она не просто в восторге, она – на пике блаженства. – Ну, мы с тобой не с того ракурса смотрим. Это боковая часть. Мы с тобой смотрим на западное крыло. Пошли, посмотришь на это дело, так сказать, с фасада.

И она схватила меня за руку и понесла, как взбесившая лошадь. Откуда в этой необъятной женщине столько скорости, я до сих пор не понимаю, ведь, с ее парусностью, ей должно было бы трудно просто быстро ходить. Но очевидно, у Ирмы какие-то свои законы физики. Мы неслись вперед, огибая огромную гору, которая разрасталась перед нами, становясь шире и еще выше, и когда, наконец, мы остановились, перед моим взором предстало нечто удивительное.

Замок теперь не был похож на замок. Это, действительно, была огромная скала, которую возвели в продолжении горной цепи, окружающей небольшое плато. Сам замок выдавался вперед и занимал собой добрую половину всей долины, при этом все еще будучи единым целым с горным хребтом, который кольцом опоясывал поляну. Он ошетинился острыми пиками, уходящими далеко в ночное небо, и казался невероятно огромным, втрое больше старого. В центре скалы виднелись огромные панорамные окна, которые переливались бесчисленным светом огней, горящих внутри. Окна эти занимали несколько этажей подряд в центре здания. Точно такая же полоса, но одиночная, была на самом верху, где располагалась в комнате размером не больше кабинета. Я поняла, что Граф, как и прежде, проживал поближе к крыше, в добровольном уединении. Но и с фасада открывалась та же картина – кроме серии панорамных окон, все остальные были хаотично разбросаны, не подчиняясь никакой инженерной логике, и было сложно представить расположение комнат в этом исполине. Замок казался неприступным и грозным. Если бы я не знала живущих здесь, мне бы показалось, что люди тут не особо торопятся раскрыть перед вами свои объятия.

– Ну, как тебе?

Ирма светилась от восторга, и было видно, как ей важно, чтобы я ответила взаимностью. Я посмотрела на ее испытующий взгляд и подчинилась желанию этой женщины. Натя-

нула улыбку на лицо и постаралась, чтобы меня перекосило совершенно похабным способом.

– Бог ты мой, – сказала она, изогнув бровь. – Покойники краше тебя улыбаются.

Я развела руками и перестала растягивать свой рот в чем-то совершенно неестественном.

– Больше так не делай. Лучше уж никакой улыбки, чем такая. Господи, аж мурашки по коже. Ладно, идем.

Она потащила меня к основанию огромной горы. Только сейчас я поймала себя на мысли, что не вижу входных ворот – величественных, исполинских, под стать самому замку, громко говорящих о том, что хозяин искренне любит себя и никому не позволит усомниться, что его высочество достойно только самого лучшего. Но, как оказалось, и это удивило меня больше всего, от огромных ворот решили отказаться в пользу маленькой и совершенно неприметной двери, искусно сплетенной из толстых металлических прутьев, которые переплетались между собой так плотно, что составляли единое полотно. Она терялась на фоне каменной стены и была ничем не примечательна. Я даже не сразу ее заметила.

– И все? – удивленно спросила я, пока Ирма пропускала меня внутрь. – Крошечная маленькая дверь?

Ирма удовлетворенно кивнула:

– Мы решили остановиться на таком варианте. Большие ворота у нас уже были, кроме того, выходов несколько, а потому, на случай непредвиденного, мы легко выберемся от-

сюда и без больших ворот.

Перед тем, как войти внутрь, я окинула взглядом замок еще раз. Мне он понравился.

Проследовав за Ирмой, я оказалась в небольшом холле, где было сумрачно и прохладно. Ведьма, закрыв за мной дверь, молча шла у меня за спиной. Она испытующе смотрела на меня, но больше не выпрашивала какой-либо реакции. Просто наблюдала за тем, как я оглядываю холл, как прохожусь взглядом по стенам, вырубленным из камня, нарочито грубо и неотесанно, что создавало яркий контраст с тонкими, изысканными, жемчужно-белыми колоннами с витыми узорами, стекающими по ним и того же цвета перилами лестницы, ведущей наверх. Свет, слабый, бело-голубой лился из небольших выемок в стене сам по себе, без какого-либо источника, и красиво оттенял темно-серый камень. Никакого излишества. Более того, здесь вообще не было украшений, и все, что было в небольшом холле, сводилось, скорее, к необходимости, нежели к красоте, но и пустым помещением не казалось. Здесь было уютно. Шаги гулко разносились эхом под небольшим сводчатым потолком.

– Ирма, как вы это сделали? Вы что вырубили замок в скале?

– Ну... и да, и нет. Скалы этой, если ты помнишь, тут не было. Была гора, но не такая большая, зато высокая, как стена. Граф вырастил эту гору как продолжение естественной, и уже в ней мы начали бурить проходы. Как кроты, – она

хихикнула, и, взяв меня за руку, повела по лестнице к красивой, жемчужно-белой резной каменной двери. Она тоже была небольшой, но резьба по камню была столь искусной, что я невольно задержалась, чтобы рассмотреть детали. Ирма нетерпеливо тянула меня за собой, как ребенок, который не может подождать и секунды:

– Потом посмотришь, – говорила она. – Мне столько тебе нужно показать, что тратить время на двери уж точно не стоит.

– Господи, Ирма, ты только посмотри как красиво... – говорила я, протягивая руку к камню.

– Знаю, знаю, – нетерпеливо шептала она, – и ты можешь в любое время прийти сюда снова, когда увидишь остальное.

Я повиновалась, ведомая несокрушимой силой ведьмы, и, пройдя каким-то замысловатым и темным коридорчиком, я оказалась в роскошном зале второго этажа. Здесь, так же, как и в предыдущей комнате, все было темно-серым и жемчужно-белым. Те же грубые стены и тонкое, ювелирное кружево из белого камня, напоминающего мрамор. Зал был большой, высокий сводчатый полوك напоминал пещеру, огромную и величественную, а колонны, идущие из него к самому полу, причудливо извивались тонкими завитками, мраморно-белыми, такими нежными и живыми, что казались льющимся с потолка молоком. Здесь было две лестницы, и они...

– Ведут в разные стороны замка, – сказала Ирма, указывая на них пальцем. – Одна – в восточное крыло, другая –

в западное.

– А если мне не нужно ни туда, ни туда, а прямо или, к примеру, наверх? – сказала я с максимально беспристрастным лицом. Ирма засверкала глазами.

– Ты имеешь в виду кабинет Графа, – спросила она, загадочно улыбаясь.

– Нет, я имею в виду крышу. Вдруг починить что-то нужно.

– Крыши у нас нет, зайчик мой. Ее благополучно заменяет скальная порода. Очень крепкая, так что, боюсь, на твой век починки крыши не предвидится.

– Что, только Граф занимает верхние этажи?

– Самую верхушку. Но вообще оба крыла идут не только вправо и влево, но и поднимаются вверх, так что то, что тебя заинтересовало, либо бальный зал, либо большая гостиная, либо кабинет Графа. Кстати, не расскажешь мне, что у вас происходит?

– Ммм... Нет.

– Я ведь могу и рассердиться, знаешь ли.

– Валяй.

Ирма долго сверлила меня черными глазами и все пыталась пробудить во мне совесть, ну или что там у меня вместо нее. Но пока безуспешно. Я смело смотрела ей в глаза, улыбалась и ждала, когда у нас закончится поединок в гляделки. Ирма кусала пухлую губу и, вероятно, прикидывала результаты от ее очередного хитроумного плана, но по-

том, тщательно перепроверив, решила уступить, напоследок лишь обиженно заявив:

– С вашей стороны это совершенно неправильно. Я была крестной вашей любви, а теперь вы даже не желаете сказать мне, какая муха вас укусила?

– И что, сильно укусила? – поинтересовалась я.

– Довольно прилично, – Ирма взяла меня за руку и потянула к западному крылу. – После того, как Граф побывал у тебя, он вернулся злой и неразговорчивый. В общем-то, он и сейчас молчаливый, правда, уже не срывается на ком попало – тут Ирма жестом указала на себя – по поводу и без. Тем не менее, он очень много работает, и почти не спускается к нам, как бывало раньше.

Все это время мы поднимались, я обратила внимание, каким гладким и отполированным был каменный пол и ступени, совпадающие с ним по цвету и стилю. В них можно было увидеть отражение.

– Ты чем-то его разозлила, мой котенок?

– Нет. На самом деле все из-за той истории, о которой он рассказал, когда мы только появились. Помнишь? Все из-за Никто.

Его имя здесь, в этом мире, прозвучало громче, чем в моем. Где-то в самом уголке выжженной души колыхнулся легкий порыв ветра, который сразу же стих, так и не превратившись во что-то большое, болезненное и осязаемое, но я нахмурила брови, слушая рассуждения женщины, ведущей меня в

неизвестном направлении:

– Не понимаю, что такого в этом чудовище? Оно же страшное?

– Ну да.

– И злобное? Оно чуть не придушило тебя?

– Ирма... – я набрала воздуха в легкие, а потом, громко выдохнув, сказала гораздо тише, чем собиралась. – Я уже отвечала на эти вопросы, правда – не тебе. Но если тебе нужны ответы, ты лучше к Графу подойди. Второй раз я этого уже не выдержу.

Ирма посмотрела на меня и промолчала. Так мы и пошли, в полной тишине. Мне стало стыдно перед ней, ведь, как бы нелогично она ни обосновывала свои претензии, смысл в ее словах, действительно, был. Она, и правда, многое сделала для нас с Графом, и если последний отчасти вернул ей долг, построив дом, вернув ей близких друзей и предоставив защиту, то я просто нагло отворачивалась, не желая быть хоть чуточку благодарной. Ей ведь не так много и нужно? Просто несколько, слов, пара фраз, хоть немного проясняющих, что происходит с родным для нее мужчиной, и все станет понятнее. Понятно совсем, конечно не будет, но развеет завесу таинственности, а большего она и не просит. Надо быть благодарной. Надо. Но как раз с благодарностью у меня сейчас большие проблемы. Вокруг меня столько хороших людей, а я... Я закусила губу и нахмурила брови. А что я? Я не могу дать того, чего во мне нет. Это невозможно. Прикидывать-

ся здесь тоже нет смысла, а потому все, на что я способна – это раз от раза обижать добрых, терпеливых, любящих меня людей, каждый Божий день надеясь, что завтра им это все не надоест до чертиков... Я решила сменить тему:

– Ирма, еще у меня дома, ты сказала что-то насчет заклинания любви или что-то вроде того... Влад пришел ко мне с каким-то колдовством?

– Заклинание влюбленности? Ну да, – и она небрежно хотнула. – Как будто это может помочь.

Теперь стало понятно, откуда взялось странное ощущение притяжения в библиотеке, и уж тем боле стала понятна его реакция. Собирался отделаться простым заклинанием, подлец. Как бы не так! В общем, я была бы не против – сработай оно, но зачем же обманывать?

Мы поднялись по лестнице и, странным образом, очутились в коридоре, в той же стилистке, что и оба холла до этого. Стало ясно, что весь замок выполнен в едином порыве, но теперь стало понятно еще и то, почему окна разные и находятся на разных уровнях – пол коридора, широкий и теперь уже не блестящий, а матовый, словно шершавый, плавал вверх – вниз, как застывшая морская волна, и получалось, что двери, располагавшиеся по бокам, были то ниже, то выше, то ближе, то дальше. Удивительно, до чего мне понравилось это. Это ведь так интересно, когда комнаты, словно дыры в сыре, разные и совершенно не похожие одна на другую.

– Ирма, а чья это идея?

– С заклинанием влюбленности?

– Да нет, же. С комнатами. Они же все на разный лад.

– А... Это Граф, конечно.

– Конечно... – пробубнила я. – Почему – конечно? Думаешь, тебе не могло прийти такое в голову?

– Мне – нет. А тебе?

Я собралась было что-то ответить, но ничего не нашлось, поэтому я просто хмыкнула под себе под нос. Мы шли вперед, и я все больше увлекалась архитектурой замка. В коридорах не было лестниц, а все подъемы и спуски плавно перетекали в следующие этажи, раздваиваясь на развилках и пропадая за поворотами. Это было похоже на каменный улей, где все самой собой перетекает в нужное русло, образуя причудливый узор, где я, надо признаться, уже порядком заблудилась.

Наконец, мы пришли в комнату, которая предназначалась мне. Дверь открылась, и моему взору предстала небольшая, но уютная комната, с большим окном от пола до потолка. Больше не было портьер и драпировок, не было нелепых нагромождений мебели и излишеств. Все было просто, лаконично и красиво. Кровать была огромной, как ипподром, и у меня возник вопрос, как в такой маленькой комнате еще осталось место для шкафа из черного дерева, небольшого столика напротив окна и зеркала. Странно, но тесно не было. Места было достаточно, чтобы без стеснения пере-

двигаться здесь. В одной из стен была небольшая дверь из того дерева, что, шкаф и стол. Там была ванная. В комнате – грубо отесанные стены из серого камня, подсвеченные тем же холодным голубым светом, контрастировали не с белым мрамором, а с тканью темно-синих штор, спрятавшихся по бокам от огромного окна и постельным бельем из какого-то матового, но очень нежного материала того же цвета. Что это за материя, я не знала, но на ощупь она была, как теплое облако.

– Иди в ванную и приводи себя в порядок. Я зайду за тобой, и мы пойдем ужинать.

Сказав это, Ирма оставила меня одну, видимо торопясь смыть с себя следы неудачного приземления. В полной тишине я, наконец, смогла закрыть глаза и попытаться осознать произошедшее. Я снова здесь. Я снова в сказочном мире. Здесь все иначе, здесь другой воздух, здесь другое давление, здесь другие материи и по-другому течет время. Здесь волшебство чувствуется кожей, здесь каждое мгновение словно посеребрено сладостью, и предвкушение чего-то совершенно необыкновенного каждую минуту, каждую секунду, здесь – совершенно обычное дело. Я позволила этой вселенной обнять меня и успокоить каждый кусочек моего тела, смывая тоску, снимая напряжение. Легкие сделали глубокий вдох, и стало так легко, словно до этого я вовсе не дышала. Стало так хорошо, так знакомо, так нежно и приятно. Я дома. Господи, я дома. И пусть я не могу толком радоваться этой, та-

кой нужной мне, перемене, и пусть счастье мое было куцее, оборванное и онемевшее, все же это была не совсем та пустота, которая жила во мне все эти два года. Черная дыра в груди никуда не делась, но замедлила свой ход, сбавила обороты, давая мне надежду на то, что, может, я еще научусь снова чувствовать, как нормальный человек. В окне чернели горы, и звезды светили так ярко, словно нарисованные. Спасибо тебе Ирма. Снова, как всегда, ты оказалась права. Снова тебе лучше знать, что мне нужно. Опять ты умудрилась все сделать как надо, не дожидаясь, пока мы все сообразим, что нужно делать.

Я прошла в ванную и ахнула. Здесь все было из черного мрамора, с яркими серебряными прожилками, расходящимися в причудливых узорах, как вены по отполированному камню. Это выглядело шикарно. Камень местами блестел, словно внутри была какая-то слюда, и это придавало поистине царский вид, подчеркивая тот факт, что кроме ванной, туалета и раковины с огромным зеркалом больше не было ничего. Темно-синий халат висел рядом с того же цвета полотенцем, буквально упрашивая раздеться и залезть в большую круглую ванную. Я не стала сопротивляться. Скинула грязную одежду и, ступив на пол голыми ногами, почувствовала тепло, идущее от него. Весь пол был теплым, словно грелся изнутри. Мурашки пробежали по коже, и я улыбнулась приятным ощущениям, разлившимся по всему телу.

Помывшись, я вышла из ванной в настроении заметно

лучшем, чем было до, и даже захотела есть. В шкафу для меня было приготовлено два комплекта одежды, и тут уж не трудно было догадаться, что авторы у них были разные. Длинное платье в пол из темно-бордового материала с вырезом «душа нараспашку» буквально кричало о том, что Ирма не оставляла попыток сделать-таки из меня рафинированную женщину, чего бы ей это ни стоило. Приталенные брюки из мягкого, темного материала и тонкий голубой свитер из шерсти с вырезом лодочкой, простой и безукоризненный, был сдержанно-нежен и строг, всячески скрывая свою заботу под лаконичными линиями и отсутствием украшений. Прикосновение Влада читалось так же отчетливо, как подчерк Ирмы. Комплект сел идеально и, что уж говорить, Влад умет одеваться строго, но изысканно.

– Я так и знала, что ты выберешь костюм мальчика-подростка. – сказала Ирма, стоя в дверях, наблюдая за тем, как я довольно рассматриваю себя в зеркале.

– Знаешь, я впервые за два года нравлюсь себе в зеркале, – сказал я, глядя на нее.

Она придиричиво окинула меня взглядом еще раз, словно понадеялась, что упустила что-то важное, но не найдя ничего, что порадовало бы ее глаз, пожала плечами и улыбнулась:

– Пусть будет так, как тебе хорошо, родная.

Мы шли коридорами, и я, скорее интуитивно, понимала, что мы двигаемся к центру и вверх.

– Мы в столовую?

– Да. В малую. Она прямо под большой гостевой комнатой.

– А почему не на кухню?

– Мне хочется похвастаться.

– Я думала, ты хочешь накормить меня.

– Одно другому не мешает, знаешь ли.

Малая столовая была малой лишь на словах, а потому я боялась даже представить, что собой являет большая столовая. Комната размером со школьный спортзал, была в том же стиле, что и все остальное здание. Здесь грубый камень стен оттенял большущий стол из белого мрамора, столешница которого, тяжелая, массивная, резная, покоилась на резных ногах из прозрачной породы, толстых и прочных. Здесь – большие окна и тяжелые шторы от пола до потолка, которые сейчас были открыты, а потому вид на горы и звезды открывался просто потрясающий.

Когда мы пришли, стол уже был накрыт на двоих. Как только мы сели за стол, смеясь и безостановочно болтая, открылась дверь. В проеме показался Косой. Совершенно неожиданно для себя, я подскочила и, подбежав к нему, обняла его, крепко сжимая его неказистое, но такое родное тело, в своих руках. Почему именно он казался сейчас таким нужным мне, я сама не понимала, но тихий, теплый смех, прокатившийся по моему плечу, заставил меня улыбнуться в ответ. Я оторвалась от него и посмотрела в лицо, которое улыбалось мне застенчивой, но такой приятной улыбкой.

– Здравствуй, – сказал он.

– Я так рада видеть тебя... – сказал я и почему-то заплакала.

***

Пока мы ели, Косой, не торопясь, потягивал чай, кружка за кружкой. На пару с Ирмой он рассказывал мне, как строился новый замок. Это был долгий, трудоемкий процесс, в течение которого было столько ссор, примирений, разногласий, творческих кризисов и внезапных озарений, что, казалось, мы строим невозможное.

– Мы даже успели сыграть две свадьбы, – сказала Ирма, улыбаясь и запихивая в рот пятый или пятнадцатый кекс.

Оказалось, где-то через три два месяца после того, как я бессовестно сбежала, а Влад решил навсегда остаться здесь, вернулся Косой. Он так обрадовался возвращению Графа, что первые несколько секунд просто молча смотрел на Влада, не в силах сказать ни слова, но потом этот молчаливый, угрюмый, нескладный человек обнял его, как брата. Он еще долго не мог поверить своим глазам. А потом он рассказал, где был, что видел и чего им, собственно, ждать. Он был уверен, что помощь придет, но отчетливо дал понять, что далеко не все смогут прийти на помощь. У кого-то сейчас откровенная война, кто-то пострадал от наводнения или засухи, кому-то пришлось восстанавливать целый поселок после оползня. Волшебный мир лихорадит, и никто не может объяснить толком, что происходит. В общем, они ждали по-

мощь, но не сильно-то на нее рассчитывали. И как оказалось, напрасно. Спустя неделю, к убежищу пришли первые десять человек. Днем позже – еще двенадцать, а уже через две недели в их распоряжении было уже пятьдесят человек, и с каждым днем их число росло. Все, абсолютно все, кому когда-то помог Влад, возвращались не для того, чтобы отплатить той же монетой, а для того, чтобы помочь другу в тяжелые для него времена. Старейшины деревень, для которых Влад стал не просто другом, но и покровителем, отправляли десятки здоровых, крепких мужчин в помощь, а потом и сами приезжали следом, дабы лично приложить руку к столь значимому событию. Никто не остался в стороне, никто не забыл и не сделал вид, что забыл. Все, кто были в ночь бала в старом замке, вернулись, чтобы строить новый.

– Это было незабываемо, – восторженно пищала Ирма. – Было столько народу, что казалось, земля не выдержит столько ног на своей спине.

Всем миром они начали строительство того, что Влад набросал в качестве эскиза. Многое пришлось додумывать и переделывать, но, в общем и целом, замок стал именно таким, каким задумал его Влад. Все закрутилось и понеслось с головокружительной скоростью. Народ был так одержим идеей построить идеальный замок, что это стало своего рода соревнованием. Каждый старался изо всех сил, каждый прилагал столько усилий, сколько было в его распоряжении. Люди, как муравьи, от рассвета до заката бурили ходы, ста-

вили укрепления, измеряли, считали, снова измеряли, перераспределяли и заново бурили. Всем нашлось занятие, никто не остался без дела, и каждый смог показать, на что он способен. Здесь были плотники, каменщики, столяры, швеи, художники, скульпторы, врачи, архитекторы и просто люди, у которых руки растут, откуда надобно.

– Знаешь, это была целая эпоха, – сказал Косой, глядя на то, как в Ирму, словно в бездонную пропасть, одна за другой уходят конфеты. – Тут были люди из таких далеких деревень, что в обычных условиях им бы никогда не пришлось встретиться, но тогда...

Люди знакомились, и общее дело так сплотило многих, что, расставаясь, взрослые мужчины и женщины рыдали, как дети. Кто-то так и вовсе не смог расстаться и уехал за любимыми в чужие края. Здесь свадеб, и правда, было только две, но после того, как люди разъехались, оказалось, что свадебные фейерверки заискрились по всей магической стране. Люди, единожды встретившись, возвращались за любимыми на другой конец вселенной, чтобы больше никогда не расставаться. Это восхитительно и сделало возможным совершенно невероятное – встретить родную душу за сотни тысяч километров от дома. Еще очень долго отзвуки от этой стройки искрились на разных концах нашего мира.

Я слушала это с раскрытым ртом и, клянусь, перед моими глазами мелькали картины, живые и реалистичные, словно и я смотрю удивительный фильм. Я так ярко представила себе

гомон и смех нескольких тысяч голосов. Представила, как по вечерам они, уставшие, но счастливые, собирались вместе, чтобы вкусно поесть и не менее вкусно поговорить. Я слышала их речи, тихие и громкие, громогласные и скромные, слышала смех, накатывающий волнами и разбегающийся по окрестностям, как круги по воде, и мне стало так тепло рядом с ними, словно я сидела плечом к плечу с каждым из них, и все они были рады мне, как родной.

А что делала я в этот момент? Я считала овец, лежа в постели. Господи, как же много я упустила...

И вот замок готов. Он прекрасен и величественен. Он неуязвим, словно крепость, и в него вложено столько души, что она исходит от стен, как тепло, и делает это место таким... особенным.

Еще долго Ирма и Косой наперебой рассказывали о каких-то тонкостях и необычных решениях, которые пришли в головы людям во время работы. Я слушала и никак не могла наслушаться, а Ирма и Косой никак не могли наговориться, и за все это время я ни разу не вспомнила о том, что хозяин замка так и не пришел поздороваться со мной.

Глава 3. Призрак недостижимого

Ночью я проснулась от ощущения чужого взгляда на моей коже. Оно было слабым, еле ощутимым, но все же чей-то взгляд скользил по мне, неторопливо и задумчиво. Я открыла глаза и увидела, что на краю моей кровати кто-то сидит. Я разглядывала фигуру, которая темнела на фоне окна. Во мраке ночи контуры смазывались, становясь расплывчатыми, но все же образ был таким знакомым, что легко угадывался, несмотря на то, что я толком не успела проснуться:

– Мог бы и до утра подождать, – тихо пробормотала я.

– Почему я должен ждать? Мне захотелось увидеть тебя сейчас.

– Из уважения к чужой личной жизни или из правил приличия.

– Ты же знаешь, что здесь и правила приличия, и твоя жизнь трактуются мною так, как мне хочется, – он лениво вздохнул. – А потому здесь я решаю, что прилично, а что – нет. И где кончается твоя личная жизнь, а где начинается моя, тоже решать мне.

Внутри неприятно зашевелилось предчувствие .

– Довольно грубо, – пролепетала я.

Было видно, как он отвел глаза, осматривая свои руки, а затем снова повернул голову ко мне:

– Ты всегда называешь правду грубостью. А между тем, я

всего лишь называю вещи своими именами.

Я приподнялась на локтях, пытаюсь рассмотреть темный силуэт, силясь найти там то, что объяснит мне, почему с каждой секундой мне все сильнее становится не по себе.

– Влад, что происходит?

Он молчал, словно подбирал слова, хотя, судя по тону разговора, он не особо озадачивался мягкостью звучания того, что вырывается из его рта. Он забрался с ногами на кровать и, встав на четвереньки, медленно подполз ко мне, усаживаясь напротив. Я почувствовала, как сердце зашлось, услышала собственный прерывистый выдох в оглушающей тишине:

– Что тебе нужно? – сказала я коротко и резко.

– Как обычно, – голос его был тихим и спокойным, и в нем, в отличие от моего, звучала лишь расслабленность с легким холодным послевкусием. – Мне нужна ты. Как и раньше. Как и всегда, впрочем.

Никогда раньше Влад не говорил мне это ТАК. Если уж дело доходило до нежностей, то, как правило, они всегда звучали сквозь поток брани, искренней и горячей. Но никогда так холодно, флегматично и обосновано, потому что и сам Влад никогда не был холодным, флегматичным и логически обоснованным СО МНОЙ. Его ледяное самообладание со мной не работало, а тут, оно было не просто искренним, оно было до дрожи реалистичным.

– Я тебя не понимаю.

– Да и не нужно. Нужно просто держать обещания, кото-

рые даешь, только и всего. Мелочь, казалось бы, но какая важная...

Он поднял руку, и на фоне окна, в котором невероятно густой россыпью светились звезды, я увидела, как он перебирает пальцами в воздухе, словно проверяя их подвижность. Такой знакомый, такой узнаваемый жест. Я резко вдохнула и попятилась назад, отталкиваясь ногами. В ответ Влад резко подался вперед, сокращая расстояние до минимума, и тихо прорычал:

– Ты обещала, что останешься со мной. Ты сказала, что останешься со мной навсегда... – пророкотал низкий голос, и на последних буквах явственно прозвучало утробное клекотание.

– Не может быть...

– Может, МояЛера... – сказала тень и стала расти, закрывая собой все, что было в поле моего зрения, огромной спиной. А в следующее мгновение длинная рука вынырнула из тьмы, вцепилась в мое горло, сжимая его, впиваясь острыми когтями в кожу, которая затрещала рвущейся тканью под его пальцами. Я сдавленно вскрикнула и попыталась вырваться, но чудовище притянуло меня к себе так легко, словно я ничего не вешу. Его хриплое, горячее дыхание, прокатилось по моему плечу, прежде чем острая боль сотен тонких зубов вонзилась в мое тело, заставив меня захлебнуться собственной болью и застрявшим в горле криком.

Я открыла глаза, хватая ртом воздух, сжимая в руках оде-

яло, отчаянно колотя ногами по кровати. Я не кричала. Да и закричи я, никто не услышит. Сумасшедшими глазами и я искала какие-нибудь ориентиры – образы, звуки, формы, цвета, запахи. Что угодно, что доказывало бы, что все, что сейчас случилось – всего лишь сон. Невинная забава моего бессознательного. Нигде поблизости не было видно ни Влада, ни Никто, ни кого бы то ни было вообще. Я была совершенно одна – лучшего ориентира и придумать сложно. Полная тишина, которая всегда немного напрягала, сейчас казалась манной небесной. Особенно, если ты только что вообразил себя в лапах огромного чудовища.

Я села. Всего лишь сон. Но нет, не всего лишь. Теперь я знаю. Я точно знаю, что он жив. Просто чувствую это так же ясно, как одеяло в своих руках, только совсем другим сенсором, совершенно другими локаторами моей души, которые наострились чувствовать то, о чем не принято говорить вслух. Он жив.

***

Утро выдалось солнечным и безоблачным. Я проснулась, когда солнце было почти в зените, а значит, в замке все уже давным-давно проснулись и успели переделать полторы сотни разных дел. И только я валяюсь в кровати, словно боярыня на выданье. Я села, скинула с себя одеяло и опустила ноги на теплый каменный пол. Удивительно приятное ощущение. Я прошла в ванную. Там, посмотрев на себя в зеркало, я в первую очередь бросила взгляд на шею в поисках си-

няков или царапин. Но нет, все было нормально. Приведя себя в порядок, я оделась, обулась и вышла в коридор, где огромный незнакомый дом раскинулся передо мной бесчисленным калейдоскопом всевозможных вариантов заблудиться. Я беспомощно развела руками и оглянулась вокруг. Ну и куда мне идти? В общем-то, пожалуй, все равно, в каком крыле и на каком этаже кричать «Помогите», так что я двинулась направо.

Коридор причудливо петлял, и так же, как и раньше, я шла наугад, только теперь развилки уходили не только направо и налево, но также вверх и вниз. Черт знает, кто строил эти казематы! Как можно обойтись здесь без карты? Как здесь вообще можно ориентироваться даже с картой на руках? И проводником. И навигатором. Что за мания гигантизма у этого человека, и зачем ему несколько сотен комнат для тридцати, максимум – пятидесяти людей? Я уже начала ощущать голод, когда до меня долетел запах готовящейся еды. Лучшего ориентира и придумать сложно. Ноги сами пошли быстрее, а нос повел остальное тело на запах чего-то вкусного. И вот еще один поворот, за которым открылась святая святых самого влиятельного человека в этом мире. Кухня.

– Ирма... – прошипела я, переступая порог огромной комнаты, в которой было много света, цвета и свободного пространства.

Самой Ирмы нигде не было видно, но судя по стоящей

на плите кастрюле, которая мелодично кипела на медленном огне и совершенно невообразимо пахла чем-то очень вкусным, сама ведьма была где-то поблизости. Я сделала еще пару шагов и огляделась. Кухня представляла собой нечто странное – смешение технологий мира реального и волшебства мира здешнего. Полированные гладкие поверхности, столешницы из мрамора и куча шкафов, таинственно прячущих за своими дверцами великое множество кухонных тайн. Всё выглядело, как современная, дорогая, напичканная всевозможными излишествами кухня. Я улыбнулась и покачала головой – Влад не побрезговал притащить в сказочный мир всевозможную современную технику на разные случаи жизни. Здесь были кухонные комбайны, миксеры, тостеры, блестящая варочная поверхность и духовка с тремя сотнями разных режимов, стальные ножи, соковыжималки и еще куча всего, что лично я видела впервые в жизни. Любая опытная хозяйка пришла бы в состояние блаженного онемения при виде такой роскоши. Но и тут почерк Ирмы легко угадывался. Среди всего великолепия лаконичности формы и стиля то и дело проглядывали старые полотенца и деревянные ложки, потемневшие от времени и опыта, странные приспособления, смысл которых мне был совершенно не ясен, но их погнутость и истертость говорили о том, что пользуются ими часто и с любовью, и наконец, кастрюля, стоявшая на плите – та самая, которую я видела еще на старой кухне Ирмы. Тут современность соседствовала со сказкой в гармонии

и единстве.

– Ирма...! – чуть громче сказала я. – Ты здесь?

– Проснулась, моя рыбка, – прозвучало у меня за спиной, отчего я подпрыгнула и обернулась. Ирма улыбалась, глядя на меня, и загадочно сверкала черными глазами:

– Как спалось?

– Не так, чтобы очень. Почему не разбудила меня?

– Зачем?

– Затем, чтобы я не чувствовала себя нахлебницей. Могла бы дать мне партийное задание.

– Какое задание? – Ирма непонимающе изогнула бровь, и я поняла, что слово «партия» тут наверняка применимо только в смысле шахмат.

– Ну, важное что-нибудь.

– А... Ну так все важные дела мы и без тебя сделали.

– Я догадалось. Я о том и толкую. Вы с семи утра на ногах, а я...

– С пяти, зайчик мой.

– Тем более! Не хочу быть пиявкой. Хочу делать что-то полезное.

– Ну так ты уже сделала.

Я удивленно посмотрела на нее:

– И что же я сделала?

– Ты разозлила Графа, – сказала Ирма и захохотала от души.

– Отлично... – недовольно пробубнила я. – И что же я

сделала не так на этот раз?

– Ну... – сказала она, посмеявшись. – На самом деле мы, не ты – мы разозлили. Мы вдвоем. Я привела тебя сюда, а ты посмела прийти. Пойдем, я накормлю тебя.

Она усадила меня за стол, а сама встала у плиты. Кухня, молчаливая и сонная, ожила, закипела под ее руками и вот уже передо мной организовались две пышные булочки и кофе.

– Не понимаю, – сказала я, откусывая внушительный кусок булки. – Он же сам приходил за мной? Сам просил, чтобы я вернулась. Чего он злится-то?

– Ты уязвила его эго. Зацепила, так сказать, самое нежное, – руки Ирмы летали по полкам и шкафам, выставляя на стол все новые и новые вкусности. – Когда он вернулся, так и не сумев уговорить тебя, единственное, что он сказал – мы обойдемся без тебя. Будем спасаться сами. Так он сказал. И вчера ночью, когда он вернулся домой, он сразу же понял, что ты здесь. Ох, и устроил же он мне! – сказала Ирма и, то ли завизжала, то ли засмеялась, я так и не поняла, но было ясно, что она в восторге.

– Чему ты радуешься? Ничего хорошего я тут не вижу.

– Потому, что ты еще глупая, маленькая девчонка.

– Мне уже двадцать четыре, между делом.

– Двадцать три пока еще. Кроме того, это всего лишь цифры, да и то не особо великие, я тебе скажу. Хочешь знать, что меня так обрадовало?

Я кивнула.

– За последние два года он впервые проснулся! Слышала бы ты, как он ругался! Хоть святых выноси. Думала, огреет меня ботинком, – и снова странный звук, похожий на повизгивание и похрюкивание одновременно.

Мне стало не по себе, булочка, что до этого момента была такой восхитительной, потеряла всякий вкус. Внутри все похолодело, а Ирма продолжала болтать, сверкая глазами, будто все это совершенно в порядке вещей:

– Знаешь, как надоело его смиренное молчание? Ни с кем не разговаривает, кроме меня и Косого, и то строго по делу. И ведь не обижается, не злится, а просто не живет. Ест, работает, спит, правда, плохо, но все же, положенную норму. Смотрит на тебя, а в глазах ничего нет. Кушает, только если я напомним, спит, только когда его за шкурку в постель тащат. Работает так отчаянно, словно это может что-то изменить, будто стоит на секунду остановиться – и все рухнет к чертям собачьим. Хватается за все подряд, как одержимый. Пилит, стругает, красит, пишет что-то. А потом – к себе наверх. Знаешь, у него рядом с кабинетом лаборатория, и он ночами пропадает там. Что уж там сочиняет, не знаю, но если вовремя его не вытащить, может трое суток просидеть и не заметить. Но вчера... – рот Ирмы снова растянулся в шикарной улыбке. – Ох, мой зайчик, это было великолепно, так прекрасно! Жаль, что ты этого не видела...

– Мне вот вообще не жаль.

– Напрасно. Ожил! Заискрился! Я насмотреться не могла! Стою, улыбаюсь, а он пуще прежнего кричит. Чего, говорит, улыбаешься? Ну и объяснила. Он замолчал и вроде бы сказать что-то хотел, но гордость не позволила. Обиделся и ушел. Как маленький, честное слово. Да и ладно. Пообижается и перестанет, верно же?

– Ну кто знает... – задумчиво протянула я.

– Я знаю. Ладно, этого на словах не объяснишь, это увидеть нужно.

– Не хочу я ничего видеть. Аж аппетит пропал...

– Ну все равно придется. Вы же в одном доме живете. Куда вы друг от друга денетесь?

Мне мгновенно пришла в голову мысль, что уж в таком-то доме можно и потеряться. Бесконечно долго ходить разными коридорами, жить в разных комнатах и ни разу не встретиться за целый год, не говоря уже о нескольких днях или неделях.

– Чего задумала, моя хорошая? – спросила Ирма, пристально глядя на меня.

Я подняла на нее глаза ягненка и пожала плечами, но Ирму не обманешь. Она каким-то шестым чувством чует вранье, как ищейка, но самое главное, она улавливает смысл этого вранья, безошибочно угадывая ход твоих мыслей:

– Ты, моя сладкая, собралась поиграть в прятки?

– Возможно...

– Ну это глупо. Глупо и совершенно бессмысленно, ведь

Граф тебя звал сюда не только ради личных интересов. Нам тут, знаешь ли, не до шуток. Тут такое...

– Я знаю, знаю... Влад рассказал мне. А еще я знаю, что для того, чтобы разобраться во всем, что происходит, мне нужна Великая, а не Влад. Это же она сказала, что мне позарез нужно здесь быть?

Ирма пристально смотрела на меня, а потом вздохнула и заговорила с той теплотой в голосе, как говорят родители с трудным, горячо любимым ребенком в период его бурного противостояния всему миру:

– Лера, я не понимаю, что происходит между вами, но я вижу, что каждый Божий день вы теряете драгоценные минуты. Они утекают сквозь ваши пальцы, и их уже не вернуть, а вы, как два болвана, смотрите на них, и вам кажется, что вселенная всегда будет милостива к вам, что терпение ее безгранично, не понимая, что она и так подарила вам величайшее счастье. Вы похожи на двух туземцев, которые умерли от голода, держа в руках буханку хлеба, но так и не сумев договориться, кто будет первый кусать. Не отворачивайтесь от ее дара, а иначе она отдаст его кому-то другому.

– Ну так может, и стоит отдать его тому, кому он нужнее? – спросила я Ирму.

Она лишь покачала головой, грустно посмотрела на меня и молча принялась за готовку. Я почувствовала тот же укол совести, что и вчера. Понимаю, ей тяжело смотреть на нас, но ведь не сплету же я любовь из безразличия, только что-

бы порадовать мою любимую ведьму? Не смогу, даже если захочу.

– Ирма, а когда я смогу посмотреть на кристаллы?

– Да, когда захочешь, зайчик. Попроси Графа, – она повернулась и многозначительно посмотрела на меня. – И он тебя ответит.

– А что, кроме Влада никто не знает, где они?

– Да кристаллы – то повсюду, но ВАМ нужно поговорить.

– Ладно... – протянула я. – А где Косой?

Ирма обреченно выдохнула и помотала головой.

– Ты – балда! И я понятия не имею, где он.

Я поднялась, обошла стойку и, подойдя к ведьме, крепко ее обняла.

– Спасибо тебе, Ирма.

Он посмотрела на меня своими черными глазами и улыбнулась:

– Кстати, даже если я захочу увидеть Влада, я не смогу этого сделать. Я в этих лабиринтах до самой старости туалет искать буду, не говоря уже о ком-то, кто может передвигаться.

– О, тут все просто. Граф сделал заклинание, которое выводит тебя в то место или к тому человеку, которые тебе нужны. Подумай о том, что тебе нужно, и замок сам выведет тебя. Все просто, рыбка моя.

– Хм... Ну, тогда я пошла?

– Иди, конечно.

Когда я уже переступала порог кухни, она бросила мне вдогонку:

– И пусть совесть твоя приведет тебя в нужном направлении.

***

Я шагала по коридорам и думала о Косом, и когда поняла, что замок привел меня к выходной двери обрадовалась. Мне хотелось подышать свежим воздухом. Выйдя на улицу, я зажмурилась от яркого света и почувствовала, что погода не такая безоблачная, как казалось из окна. Подул прохладный ветер, который нес запах дождя, и, подняв голову, я увидела, как далеко на горизонте темнеет армада грозových облаков. Но все же, до дождя еще есть время, и мне не хотелось терять его даром.

Ноги понесли меня к конюшне, и я поняла, что, скорее всего, застану Косого за не самым радужным занятием. Так и вышло. Когда я увидела его нескладную фигуру, он стоял в одном из загонов и усердно убирал большой лопатой навоз.

– Привет, – сказала я, стоя на безопасном от его занятия расстоянии.

Он повернулся ко мне и улыбнулся:

– Привет, Валерия.

Он был по уши в «работе», и, судя по всему, собирался освободиться еще не скоро.

– Как я понимаю, ты занят, – констатировала я очевидное.

Он осмотрел себя:

– Вероятно, да. Как спалось?

Почему всех так интересует этот вопрос? Почему не спросят, как дела, или как настроение?

– Хорошо. Я думала, ты отведешь меня посмотреть на кристаллы.

– Пока не могу. Попроси Влада, он вроде бы был не сильно занят.

Почему обязательно Влад? Здесь что, никто больше, кроме него, не знает, где их найти?

– Не хотелось бы его отвлекать от ничегонеделания. А я могу сходить сама?

Косой посмотрел на меня и в его глазах мелькнул крошечный хитрый прищур, но он сделал вид, будто я говорю нормальные, осмысленные вещи:

– Нет, Валерия, одной тебе нельзя. Ты ничего не знаешь о них, и неосторожность может стоить тебе жизни. Это не палец порезать, тут всё немного сложнее.

– Ладно, заинтриговал. Я подожду, пока ты освободишься.

– Как хочешь. Тогда часа через три я тебя найду, и мы сходим вместе, – он отвернулся и загреб большую лопату, добавив чуть громче. – Если дождь не начнется, – и с «головой» ушел в работу.

Я постояла еще немного, глядя на то, как энергично летает лопата вместе с ее содержимым, а затем вышла на улицу. Ветер становился сильнее. После конюшни дышалось легко и

свободно, и я медленно пошла, куда глаза глядят, осознанно не думая ни о ком. Я просто гуляла. Огромная поляна раскинулась передо мной, окруженная стеной из гор и только где-то справа виднелся тонкий проход, крошечный туннель, через который можно было попасть в эту крепость. Здесь было уютно и очень красиво, спокойно как-то. Даже надвигающиеся тучи не портили ощущения защищенности и устойчивости мира вокруг. Даже странно, что на самом деле мир этот был в большой опасности, потому как сейчас опасность не чувствовалась совсем.

Пока я размышляла о насущном, я не заметила высокой фигуры идущей ко мне почти через все поле, и не видела ее до того момента, пока между нами не осталось меньше десяти шагов. От неожиданности я вздрогнула и опустила глаза.

– Привет, Лера. Как дела? (Слава Богу!) Как спалось? (Ну, е-мае...)

– Привет, Игорь. Все отлично. Прекрасно, – я подняла глаза и посмотрела на него. Высокий и по-прежнему худой, правда уже не так болезненно, как было, когда мы виделись в первый и последний раз. Сейчас его худоба округлилась, приобретала мужественные формы и немного сгладила острые углы. Он стал даже выше, по крайней мере, мне так показалось. Его голубые грустные глаза были спокойными и внимательно смотрели на меня, изучая. Он ведь тоже не успел познакомиться со мной достаточно близко, чтобы сложить

хоть какое-то впечатление, и теперь мы оба смотрела друг на друга, можно сказать, в первый раз.

– Как тебе здесь? – спросила я, почесывая кончик носа.

– Хорошо. Мне нравится.

– Что, совсем не хочется домой?

– Нет, – он помотал головой и улыбнулся, искренне и счастливо. – Странно, почему тебе не хотелось вернуться сюда?

– Ну... сложно сказать. Так сразу и не объяснишь.

Я опустила глаза и подумала, что на самом деле я могла бы объяснить это прямо сейчас и прямо здесь буквально в одно предложение, но боюсь, как бы не понял меня неправильно безоблачно счастливый молодой парень.

– Как Ольга? – сменила я тему.

– Хорошо. Она влюблена по уши, и ей сейчас все кажется в розовом цвете.

– Ага? И кто же ее так вдохновил?

– Ну, не сложно догадаться.

Он засмеялся и переложил пустое ведро из одной руки в другую.

– Влад, – констатировала я.

– Да, – со смехом ответил мне Игорь.

– Господи, да он же вдвое старше?

– Ну да. Только когда и кому это мешало?

– Ну да... – протянула я и посмотрела на его ношу. – Знаешь, говорят с пустым ведром нельзя ходить. К несчастью.

Он посмотрел на свою руку, в которой болталось пустая тара.

– А оно не пустое.

– А что в нем?

– Хорошее настроение.

Он улыбнулся мне, и я подумала, что парню и правда здесь хорошо. Не было в его поведении наигранности или натянутости. Только свет и тепло, которые льются через край, так, что не удержать. Да и нет надобности сдерживать внутри что-то хорошее. Пусть светится твоя радость. Может, согреет кого-нибудь.

– А куда ты несешь свое хорошее настроение?

– Да никуда. Я уже давно освободился, так что помогал перетаскивать камни, – он указал рукой на узкий проход в горах. – Мы собираемся строить там ворота, так что нужно много стройматериала. Но на сегодня все работы уже закончены.

– Уже? Еще же только двенадцать?

– Мы рано встаем и до двенадцати успеваем переделать все, что нужно. Дальше каждый занимается тем, что хочет.

– И чем ты обычно занимаешься в свободное время?

– По-разному. Сплю, – он смущенно улыбнулся. – Но в основном гуляю по лесу.

– Влад отпускает тебя в лес одного?

Парень кивнул и снова внимательно посмотрел на меня:

– Он меня научил кое-чему, так что я могу за себя посто-

ять.

– Слушай, так, может, ты отведешь меня посмотреть на кристаллы?

– Я думал, ты пойдешь с Графом.

Да что ты будешь делать!? Просто какая-то идея-фикс, не иначе! Почему везде и всюду меня должен сопровождать если не сам Влад, то призрак его имени? С каких пор я не могу ходить сама по себе?

– Нет, я не пойду с Графом. Я хочу пойти с тобой, если ты не против.

– Я – не против. Я – только за.

– Отлично. А тебе вообще можно к ним ходить? Косой тут напугал меня сложной, многоступенчатой системой подготовки к этому непростому испытанию. Говорит, надо в совершенстве овладеть тремя видами боевых искусств, познать дзен и научиться писать левой ногой, прежде чем идти к кристаллам.

Игорь засмеялся тепло и мелодично:

– Нет. Нужно всего лишь знать их расположение и не подходить к ним ближе, чем на два метра.

– На слух вроде не сложно. Отведешь?

– Конечно. Подожди, я возьму охотничью сумку.

– Зачем?

– Увидишь.

Я кивнула. Он убежал и вернулся буквально через пять минут с небольшой коричневой сумкой, перекинутой через

плечо, и мы пошли.

Разговор завязался сразу и пошел очень легко. Мы довольно быстро дошли до перевала, где, и правда, грудами лежали камни, деревянные брусья и инструменты. Никто ничего не убирал, лишь аккуратно сложил возле стены, чтобы не мешать проходу. Никто не боялся воровства. Да и кому тут воровать? Когда мы миновали проход, знакомое ощущение безопасности немного забеспокоилось во мне, и стало уже не так уютно. Если бы не Игорь, я бы дальше не пошла, но с ним было очень легко и почти совсем не страшно. Он очень много говорил, но слушать его было интересно. Оказывается, он возвращался к себе домой, но остаться там не захотел – родители давно умерли, девушка, которую он так любил, замужем и счастливо воспитывает двоих сыновей. Там больше не было ничего, к чему он был привязан, и он вернулся назад. Ольга даже слышать не хотела о том, чтобы отходить от Графа дальше, чем на три шага, а потому была очень рада, когда Игорь снова появился в замке. Теперь оба мужчины, что делали ее счастливой, были на расстоянии вытянутой руки. На мой вопрос о том, отвечает ли Влад взаимностью Ольге, я получила хитрый взгляд, в котором читался совершенно очевидный встречный вопрос. Нет, мне нет дела до Влада, мне есть дело до Ольги, которой сейчас, должно быть, уже восемнадцать. Довольно очевидный рубеж для каждой девушки, с которым связано множество тайн и легенд, а потому надо быть внимательными. Мало ли что девчонка может себе во-

образить... Игорь засмеялся, заставив меня замолчать, а потом сказал, что все это Ирма уже давно предусмотрела. Кроме того, Граф – порядочный человек, который сам старается держать ее на расстоянии. Сразу после этих слов мне безумно захотелось поведать Игорю, какой «порядочный» Влад в реальной жизни. Каким бывает его взгляд, повадки, и самое главное, как легко он идет на контакт с любой понравившейся ему женщиной, не озадачиваясь нормами этики и морали. Но решила промолчать, потому как тут же Игорь объяснил, что никаких иллюзий в Ольге он не поддерживает, наоборот, очень мягко, но доходчиво расставил все точки над «і» еще в самом начале. Просто Ольга – очень романтическая натура, и кроме Влада других мужчин-то не видела. Это временно, и пройдет само собой. Повисло недолгое молчание в течение которого Игорь, вероятно, пытался как можно мягче сформулировать встречный вопрос относительно меня, Влада и того, что между нами происходит, вернее, что не происходит. Но то ли воспитание у парня было строгое, то ли просто не нашлось подходящих слов. В общем, он ничего не сказал, и мы молча пошли дальше, копошась каждый в своих собственных мыслях. А через пять минут мы пришли.

Я стояла и смотрела на огромную глыбу, растущую из земли, и никак не могла понять, почему я была так уверена, что увижу крохотные кристаллы, размером не больше мизинца. Передо мной высился шестигранный кристалл метров двух в высоту, не меньше полуметра в диаметре. Это была полупро-

зрачная порода темно-малинового цвета, в которой прозрачные части соединялись с плотными, непрозрачными кусками не похожего ни на что в этом мире камня. Они соединялись в единое, и словно витражи, преломляли свет, заставляя солнечные лучи блуждать внутри кристалла, распадаясь и снова собираясь воедино. Сам по себе камень не вызывал никаких эмоций. Не внушал он ни страха, ни тревоги. Камень как камень. Если бы не мертвые тельца животных, лежащие рядом с ним. Кролик и две белки лежали так, словно застыли или замерзли. Они не были покалечены или задраны зверем. Тела были целыми и невредимыми.

Игорь взял в руки кролика, повертел в руках, приняхался, посмотрел шерсть, а потом положил его в сумку.

– Мы уже и забыли, когда в последний раз приходилось охотиться, – сказал он, серьезно глядя на кристалл. Он аккуратно взял белок и отбросил их в кусты. Там их подберут другие хищники. – Звери не понимают. Почему-то никак не научаться обходить их стороной. Обычно зверье быстро соображает, что к чему, но тут... – он оглядел кусок камня сверху вниз. – Не понимают. Не чувствуют, что ли...

– Игорь, почему они мертвы? Я в смысле, как их убили?

– Ну, точного механизма мы не знаем. Просто знаем, что камень вытягивает жизнь за секунды. Раз – и все. Стоит прикоснуться – и поминай, как звали.

– Что, просто прикасаешься – и все?

– Ага. Но тут все, главным образом, зависит от того, на-

сколько большой камень и насколько маленькое живое существо. Чем больше кристалл, тем сильнее его мощь, чем больше объект, тем лучше он сопротивляется. То есть, для взрослого человека кристалл размером с палец не страшен. Граф даже умудрился добыть один такой. Теперь он у него в лаборатории. А вот к такому огромному подходить нельзя.

– А зачем Владу кристалл?

– Не знаю. Он с ним эксперименты ставит какие-то. Я никогда не спрашивал. Косой знает. Они оба пропадают в лаборатории. Спроси у него, если хочешь. Ну или у Косого, – добавил поспешно Игорь и опустил глаза. – В общем, это не секрет.

– Понятно. И много таких в лесу?

– Сейчас уже довольно много. Они растут каждый раз, когда выпадает день. Старые становятся еще больше, а в других местах вырастают новые, совсем еще маленькие.

– Подожди, подожди... Что значит «выпадает» день? Как это?

Игорь посмотрел на меня, потом прошелся ладонью по волосам и неопределенно пожал плечами.

– Даже не знаю, как это объяснить. Просто пропадает день. Я не знаю, как это происходит. Просто однажды утром ты просыпаешься и понимаешь, что один день просто вылетел. А потом приходит это неприятное чувство, словно у тебя украли что-то. Забрали прямо из-под носа. Сложно это объяснить. Ну а потом и так видишь. По скотине, например,

по продуктам, но в основном по этому ощущению чего-то упущенного, украденного. Не знаю, сложно описать это. Как будто весь мир ушел на виток вперед, а ты остался стоять на месте.

– Боже мой...

Мы замолчали. Я пыталась понять все то, что Игорь рассказал, но сложно осознать подобное. Тем более, сложно сложить правдоподобную картинку из того, что ты сам лично никогда не переживал.

– И как эти кристаллы растут? – спросила я.

– Мы не знаем.

– Вообще ничего?

– Знаем только, ОТКУДА они начали расти.

***

Мы сидели за небольшим столом на кухне. Ирма уже накрыла на стол и с чувством выполненного долга поглощала какую-то птицу. Мы все ели с большим аппетитом, но с еще большим азартом мы разговаривали, так что никого не смущал разговор с набитым ртом. Только я молчала, потому что, задав один вопрос, я выслушивала как минимум три варианта ответа, каждый из которых хоть чем-то, да отличался.

Нас было четверо, но накрыто было на пятерых. Я, Косой, Ирма и Игорь сидели за столом, по местным меркам довольно скромным – пять метров в длину и три – в ширину. Откуда у них мания к непомерно большим вещам, никто мне ответить не смог. Мы все сидели за одним углом, рядом друг

с другом и разговаривали. Влад обещал подойти через полчаса, что меня не обрадовало. Несмотря на то, что каждый считал необходимым наше с ним тесное общение, мне это казалось совершенно лишним. По крайней мере, в данный момент. И, судя по всему, Влад тоже не торопился встречаться со мной лично. Вот и прекрасно.

Разговор был настолько бурным, что мы едва успевали закидывать ложки в рот. Мы перебивали друг друга, говорили глупости, смеялись, снова возвращались к теме, но быстро переходили к совершенно другим вещам и снова шутили, баловались и несли полную ерунду, среди всего прочего умудряясь при этом поговорить по существу.

Выяснилось, что где-то на севере обитает некий Умбра, так его называют люди, которым «посчастливилось» жить в непосредственной близости от этих мест. Этот Умбра (что переводится как тень, или мрак), получил свое имя из-за того, что служат у него те самые тени, которые разрушили старый замок Влада. Они – не люди, хотя внешне напоминают человека по строению – как правило, тела их имеют ноги, руки и голову, но легко трансформируются во что угодно и при желании могут быть как лужей под ногами, так и лошадью, пасущейся на лугу. Ни глаз, ни рта, ни носа, в общем ничего, что выдавало бы в них живое существо, у них нет. Да и не живые они, в общепринятом понимании этого слова. Да, они двигаются, и очень быстро, они кровожадны и безжалостны. Они едят, причем, как правило, все, что по-

падает на пути, вплоть до эмалированных кастрюль и дохлых кошек. То есть, любая материя подойдет. В том числе и человек. Они грабят соседние деревни и в близлежащих поселках уже давно знают признаки приближения теней. В те недолгие несколько минут, когда становится ясно, что тени вот-вот нападут на городок или деревню, никто не оставит на улице даже злейшего врага. Все, что не спрятано в доме, они съедают подчистую, не оставляя ни крошки. Но в дома не заходят. Никогда. Они проносятся ураганом и оставляют улицы чистыми. Они действуют, как единая биомасса, некая черная туча, из которой то и дело появляются жуткие твари, которые до омерзения похожи на человека, но при этом ведут себя как неживое, до жути кровожадное существо. На человека они глядят, как голодные волки, но при этом совершенно четко следуют каким-то неписанным инструкциям. Рассказывали случай, как зазевавшаяся семья забыла закрыть ворота. Старший мальчишка, лет семи, выбежал, чтобы ворота закрыть, и тут видит, как из общей массы отпочковалась одна тварь, встала в проеме ворот и смотрит на него. Парень испугался, застыл. А тварь стоит, вертит в разные стороны головой без лица и жадно втягивает воздух, дергается, словно хочет переступить порог, да не может. Топчется на месте, хрипит, хрюкает, но дальше черты, за которой начинается дом, не ступает. Мальчишка тогда перепугался до заикания, но тварь не тронула его. Постояла, помялась, помучилась, но потом исчезла в общем потоке черной мерзо-

сти. Так все поняли, что есть у них какое-то общее сознание, отправная точка, если можно так сказать, а если еще проще – есть кто-то, кто руководит этими жуткими марионетками. Самого Умбру никто в глаза не видел, он никогда не спулся к людям и ничем себя не выдает, но его присутствие так сильно ощущается, особенно в те минуты, когда черная туча накрывает ваш дом, что никто не сомневается в его существовании. Так или иначе, но люди сначала поняли, что он есть, а потом и нашли его логово.

На севере, недалеко от скалистых гор, где ничего не растет, и нет живности, посреди плато, испещренного клыками гор, высоко в небо уходит длинный узкий, столб. Черный, он странно отражает свет – очень похоже на графит. Матовый, приглушенно переливаясь металлическими бликами, он преломляет свет, словно солнечные лучи не отражаются, а проходят куда-то сквозь него и там теряются. Высотой до небес, шириной оно не больше обычной входной двери. Просто огромный черный столб – вот и все, что о нем известно. Это и есть жилище Умбры. Никто не знает, что скрывает собой столб и как можно в нем жить, ведь кроме этого столба ничего нет, но то, что это и есть его дом, известно доподлинно из уст тех, кто возвращался оттуда живым. А еще об этом рассказала женщина. Та единственная, что видела его лично, та единственная, что входит в эти ворота и выходит оттуда живой и невредимой, та единственная, что называет Умбру своим хозяином. Проклятая. Неизвестно откуда, но со-

вершенно точно известно, что это не легенды и не выдумки. Женщина и правда есть. Она не сумасшедшая, как многим хотелось бы верить, потому как люди и правда видели, как она появляется и исчезает в основании черного столба. Все, что она говорит о нем – нет более могущественного существа во всей вселенной. И люди верят. Приходится верить.

– Так вот именно от этого черного столба и расходятся во все стороны кристаллы, забирающие жизнь, – сказал Косой. – Там их миллионы, миллиарды. Они так плотно стоят друг к другу и такие огромные, что подойти к жилищу Умбры нет никакой возможности. Они окружают черный столб со всех сторон на несколько десятков километров вокруг, торча из земли на десятки метров, а самые высокие из них доходят до середины самого столба. Пройти туда невозможно, с воздуха не подобраться, потому как негде приземлиться, а главное – совершенно непонятно, как туда попасть, даже если ты у самого входа. Кроме того, тени охраняют это место, как голодные цепные псы.

– А как же женщина туда попадает? – спросила я.

– А ее впускает Умбра.

– Как?

– Не знаю, но говорят, она легко обходит кристаллы, прикасается к ним, наступает на них ногами, цепляется руками и они не причиняют ей вреда.

– Так может, и сама женщина – не человек, а тень?

– Нет. Она человек. Об этом тоже совершенно точно из-

вестно от единственной женщины, которая знает ее лично. Она – просто человек, как ты и как я, в этом нет сомнений, потому что раньше она и жила, как простой человек, в деревне неподалеку от жилища Умбры.

Мы замолчали. Я думала, а все остальные пили чай и смотрели в свои кружки.

– Так она спускается к обычным людям? – наконец, спросила я.

– Да, – ответил Косой.

– И они не причиняют ей вреда? Я в том смысле, если она на стороне зла, должен же был найтись хоть кто-то, кто захотел бы отыгаться на ней?

– Никто ни разу не пытался. Все прекрасно понимают – тронь ее хоть кто-нибудь, и Умбра перестанет быть столь милостивым. Умбра не побрезгует и поведет свои тени в дома людей, и тогда... Сама понимаешь, от добра – добра не ищут. Пока есть возможность, люди хранят хрупкий, но все же мир и берегут равновесие. Кроме того, она ничего не просит, не делает ничего плохого. Наоборот. Она приносит игрушки детям. Самодельные, ручной работы, из соломы или тряпок, из глины и бумаги. Очень красивые и совершенно безвредные. И детям они очень нравятся. И сама женщина – тоже. Говорят, она красива и молчалива. Со взрослыми практически не разговаривает, но с детьми общается с удовольствием. Рассказывает сказки, придумывает небылицы, отвечает на вопросы, но никогда не говорит о своем хозяине. Никогда.

– Так зачем она спускается?
– Послушать людскую речь.
– А что, Умбра с ней не говорит?
– Не знаю. Видимо, нет.
– А вы-то ее видели?
– Нет. Да и зачем? Что нам это даст? Тронуть ее нельзя, выпытать из нее что-то – тоже. Она просто спускается призраком к людям, в которых ей нет никакой нужды, одному Богу известно – зачем. Нам она ничем не поможет и не навредит. Этакая нейтральная сторона, если можно так выразиться.

Снова повисло молчание. Я пыталась нарисовать ее в своей голове и почему-то представляла ее с длинными каштановыми волосами, невысокую, но стройную. Я бы даже сказала – миниатюрную, с кротким взглядом карих глаз и тонкой, гибкой шеей. Мне казалось, если дети любят ее, в ней должно быть что-то кукольное, что-то прекрасное и изящное, как фарфоровая статуэтка.

За окном прогремел раскат грома. Шел восьмой час вечера, было уже темно, а потому яркая вспышка осветила небо за горными пиками, раскрашивая мир в холодно-голубой цвет. Ирма посмотрела на часы:

– Опять наш Граф засиделся в кабинете, – сказала Ирма.
Ирма, Косой и Игорь переглянулись, а затем бросили беглые взгляды на меня и потупили глаза в столешницу.
– Сходи за ним, родной, – попросила Ирма Игоря. Тот

кивнул и с готовностью поднялся, но Косой его остановил.

– Я сам схожу. Сиди.

Он поднялся и вышел из кухни. Я поднялась и поблагодарила Ирму за ужин.

– Зайчик мой, ты поможешь мне помыть посуду, – сказала она тоном, не терпящим возражений.

– Ирма, родная, у тебя для этого есть посудомоечная машина, – сказала я и кивнула в сторону машины, которая с открытой пастью ждала свою порцию грязной посуды.

Ирма нахмурилась и смерила меня недовольным взглядом.

– Помочь тебе ее загрузить? – спросила я, ехидно улыбаясь.

– Не надо, – пробурчала она, а потом сменила тон на ласковый и тихий. – Просто посиди со мной, милая.

Я подошла к ней, обняла ее и поцеловала в щеку.

– Не сегодня.

Я вышла из кухни медленно и размеренно, но как только скрылась из поля зрения ведьмы, прибавила скорости и поспешила удалиться как можно скорее, про себя думая о библиотеке.

Через пять минут после моего ухода в кухню зашел Влад, усталый и хмурый. Он подошел к Ирме, поцеловал ее в лоб и сел за стол. И пока Ирма наливала чай, а Влад накладывал в тарелку остывший ужин, который Ирма поспешила забрать и подогреть, грянул ливень, да такой сильный, что его дробь

слилась в единый гомон воды. Дождь лил как из ведра, застилая собой весь мир, окутывая замок водой, отделяя его от всего остального мира, делая дом еще уютнее и теплее.

Глава 4. Вожделение

Дождь шел уже три дня, заперев всех в замке без возможности выйти куда-то дальше, чем в конюшню. Все эти три дня я старательно избегала Влада. На то была очень важная причина.

Библиотека.

Вам кажется, что это не может стать причиной? Что ж, я легко могу переубедить Вас, по крайней мере, тех из вас, кто, как и я, считает библиотеку святыней, вместилищем самых великих мыслей и идей на земле, кто так же трепетно относится к этому месту, как своему дому и кто не мыслит себе жизни без нее.

Библиотеку я нашла довольно быстро. Она оказалась в самом центре, как по горизонтали, так и по вертикали, но утопленной в самую глубь скалы. Она была спрятана от дневного света и, видимо, предполагалась уединенной и нелюдимой. К этому я отнеслась спокойно, хотя многим в этом замке настоятельно советовала бы читать чаще и усерднее.

Предо мной предстали большие двери из резного белого камня. Я улыбнулась, глядя на то, какими большими и красивыми они были. Я в предвкушении толкнула тяжелую дверь и...

Если и можно как-то выразить человеку свою неприязнь и максимально раскрыть потенциал своего сволочизма, то

только таким изощренным, изуверским способом, каким сделал это мерзкий земляной червь, лежалый, трехнедельный носок, маразматичная навозная муха по имени Влад!

Вся библиотека – крохотный нужник, три на три метра с низким, грязным потолком, где из мебели были лишь старый стол на кривых ногах и трехногий стул, подпертый черенком от метлы, надежно привязанный веревкой. На столе аккуратно, одна на другой, лежали три книги – Моби Дик, Приключения Мумми-Троля и Война и Мир (первый том). Все. Все! Это был удар ниже пояса. Это был запрещенный прием, который недвусмысленно говорил о том, что ни о каком перемирии речи не шло изначально. Это война, друзья мои, холодная и беспощадная! Пленных не брать! В переговоры не вступать! Врага казнить на месте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.